

Фердинанд Фингер
ИЗБРАННОЕ

*Дорогой спутнице
всей моей жизни посвящаю*

Фердинанд Фингер

Избранное

«Автор»

2011

Фингер Ф.

Избранное / Ф. Фингер — «Автор», 2011

Эта книга подводит определённый итог творчества автора за последние годы.

© Фингер Ф., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Признание	6
Признание	9
Дорога	10
Бокал	11
Парфюмер	13
Вступление	13
Глава первая	14
Глава вторая	15
Глава третья	16
Глава четвертая	17
Глава пятая	19
Глава шестая	20
Глава седьмая	21
Глава восьмая	23
Глава девятая	27
Глава десятая	29
Глава одиннадцатая	32
Глава двенадцатая	35
Глава тринадцатая	36
Глава четырнадцатая	37
Послесловие	43
Стихи	44
Дорогой жене Риточке посвящаю	44
Поле	44
Крылья бабочки	45
Загадка без разгадки	46
Желание	47
Жене Риточке	48
Любовь и ревность	50
Спасибо Пушкину	52
Любовь длиною в жизнь	54
Надеюсь	54
А. Керн	55
Лучшей из жён	60
Звенит капель	61
Издадека	62
В поход	63
Вечная любовь	64
Необыкновенный случай	64
Капель	67
Это ты	69
Старый пенъ	70
Улыбка	71
Наше утешенье	72
Свидание	73
Истина	73

Я жду весну	74
Грачи прилетели	75
Родник	75
Пожелание	77
Мгновения любви	78
Желание	79
В надежде	79
Камин	82
Благодарю	84
Песня любви	85
Балерина	86
Я, потеряв, нашел любовь	87
Не ценим	90
Звучание романса	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Фердинанд Фингер

Избранное

Признание

Дорогой жене Риточке и сыну Георгию посвящаю

*Устал – устал – устал писать стихи,
Но Бог не позволяет отдохнуть немного,
Опять ночами в нетревожимой тиши,
По камням острым босиком в дорогу.*

22.06.2010.

Посвящается эмигрантам трех поколений

*Всем павшим и живым, подарившим нам жизнь и свободу в борьбе
с фашизмом*

Verlag Terterian
Postfach 50 06
08 80976 München
Tel.: +49-89-500 94 813
Fax: +49-89-420 95 22 77 9
E-Mail: zeitung@germaniaplus.de
www.germaniaplus.de

Фердинанд Фингер

Признание

*На склоне лет я написал свой первый стих,
И в чудо это я не мог поверить.
Как в душу грешную мою Господь проник
И мне решил Поэзию доверить.
Четыре книги предо мной лежат...
В них – отражение Счастья и сердечной боли.
Они о жизни прожитой так много говорят,
Они написаны – и это все по Божьей воле.*

29.10.2010

Дорога

Дорога жизни, ускользящая вдаль,
На ней не только пыль, заботы и тревоги.
На ней встречаются и Радость, и Печаль.
О, Путник дорогой, крепись на жизненной дороге.

Бывает так, что ноги стерты в кровь.
Бывает, с ветерком летишь в пролетке.
Бывает, встретишь Жизнь иль Смерть, или Любовь.
Бывает, плакать и смеяться будешь при такой находке.

На ней все можешь вдруг в минуты потерять,
А можешь все приобрести по Божьей Воле.
Там по потерянному горько зарыдать
Или найти Бесценную Свободу в человеческой доле.

Там можешь ты Отца и Мать похоронить,
Услышать крик ребеночка пронзающий.
Судьба вдруг может кирпичом прибить
Или избаловать Фортуной прилетающей.

Дорогу можешь всю пройти и чист, и свеж.
Или прийти к концу и в грязи, и уставший.
Так много оскорблений получивши от невежд,
Что жизнь покажется ненужной и пустячной.

И ненависти, клеветы так много там.
Где Правда и Любовь на той Дороге боли?
Они там есть – там место есть Мечтам,
И будешь счастлив ты по Божьей Воле.

С дороги ты поднимешь вновь и вновь,
Перетерпи, о, путник, и печали, и тревоги.
Поднимешь камни легкие – Надежду, Веру и Любовь.
И с Божьей помощью камней тяжелых
Ты не встретишь на своей дороге.

25.11.2010.

Бокал

Дорогой жене

Не знаю я, что может быть дороже?
Дороже бриллиантов, золота, цветов
В сравнение с чем? – О, подскажи мне, Боже!
С небес услышал я: «Пришедшая любовь!»

Она пришла и в Чудо превратилась
Мне освещает душу, искупав в тепле
Через полвека предо мной явилась
Чудесным отпечатком губ на тонком хрустале.

На самом ободке хрустального бокала,
Который я хранил бессчетные года,
Ты воплощением Любви опять предстала
И перед этой Драгоценностью все меркнет, Господа.

P.S.

Хрустальный бокал был куплен в ресторане «Прага» в 1960 году и хранится автором по сей день.

01.12.210

Фото 2003 г.

Парфюмер

По роману Патрика Зюскинда

Вступление

Ко мне попало в руки DVD случайно,
Его я на одном дыхании смотрел
Не зря – тот фильм был гениальным
С названием довольно странным «Парфюмер».

Я в нем такие чудеса искусства подглядел.
Игра актеров, режиссура так была серьезна,
Сюжет в стихах я описал для тех, кто не смотрел,
Спешите, покупайте фильм – пока не поздно.

Так надоела тривиальность – милые друзья.
Та, что с экранов бескончаемым потоком льется.
Какая-то таинственная жизнь ко мне пришла
И отзвуком таинственности в сердце отдается.

О, Патрик Зюскинд! Гениальнейшая голова,
Которая придумала историю невероятную такую.
Которая запомнилась, тревожит иногда,
Искусством раскрывая нам загадку жизни непростую.

Известно – гений со злодейством несовместен,
Убийство – мерзость перед Богом не оправдана ничем,
Вопрос о том. «что быть или не быть», здесь не уместен,
Уж лучше гению и не родиться – не... за... чем...

07.07.2010

Глава первая

Сырая камера, писк крыс и темнота,
Ручьями льет вода по скользким стенам.
Закован узник в цепи, кажется, что навсегда,
И никому до умирающего нету дела.

Уж скоро триста лет, когда за ним пришли,
И, расковав, тщедушную фигуру потащили
На площадь «лобную» – там приговор прочли,
Под вопль толпы «распни» – обратно притащили.

Тщедушный юноша лет двадцати пяти,
Огромные глаза пытливые, густая шевелюра,
Сутулая спина и длинная ладонь в кисти,
Избит и изможден – жестокая судьба-фортуна.

Безжалостным пинком – и на холодный пол,
Покрытый еле-еле тонкою гниющею соломой,
И темнота, и холод – брошенный на произвол,
Пока на казнь не поведут дорогою знакомой.

О, цепи ржавые – как раны глубоки,
Железом растревожены холодным,
«О, Боже!» – узника несчастного щади,
Он только воду пил, не ел – голодный.

Глава вторая

Как мне проникнуть в вековую даль,
В которую вернуться только мыслью можно,
Быть может, в восемнадцатый на площадь Этуаль
Попробую пробраться осторожно.

Хотя зачем на площадь под названием «Звезда»?
Не лучше ли туда, где жизнь кипит от века к веку,
Где нищета, где грязь, помойка навсегда.
Где трудно сохранить название человека человеку.

Там рыбные ряды, там вечный шум и гам,
А мостовая вся в грязи. Вся в требухе от рыбы,
Торговля рыбою идет с грехом напополам,
И все миазмами пропитано, там запах нетерпимый.

Там все не так, как надо – вонь и грязь,
А червяки, как одеялом, рыбы туши покрывают,
Торговки нищие в лохмотьях – дырок вязь.
За что такая им судьба – они не знают.

Туманные века – ушедшая щемящая печаль,
О, Франция, знакомая от края и до края,
Какая ты была – тебя мне очень жаль,
Какая ты сегодня – красивей не знаю.

Поля лаванды в синеве сиреневой лежат,
Фламинго розовые среди осоки бродят,
И маки красным на полях кричат,
А облака по небу голубому хороводят.

Там города в прекрасных зданиях сияют белизной,
Архитектурой своей глаз поражают,
Изысканный французский вкус передо мной.
Каналы посредине городов там повсеместно протекают.

Глава третья

А раньше триста лет тому назад ведь не было страшной
Французских городов, погрязших в грязи.
Там нечистоты из окон лились на головы людей,
Среди домов текли – миазмами стекали.

Разделявали рыбу кое-как между рядов,
А требуху и жабры-чешую вокруг себя бросали,
От крови мостовая мокрая – в ней масса червяков.
Торговкам все равно, ведь этого они не замечали.

Беременность шестая у торговли молодой,
Такая нежеланная, досадная, молодка чуть не плачет.
А надо торговать, ведь рыба протухает головой,
Вот родила – ребенка на помойку. Счас нельзя иначе.

Бросок из таза – рыбы отвратительная требуха
Накрыла с головой новорожденного ребенка.
А пуповина, не отрезанная, кровью протекла,
На грязной мостовой залился плачем тонким.

Зеленых мух насело на ребенка тьма,
А червяки покрыли тельце пеленою,
Лежал он весь в крови и смазке – эх, беда,
Нашелся сердобольный – окатил ведром с водою.

Заметили товарки, что-то здесь не то,
Вот подыскали столб – набросили веревку,
И в миг повесили торговку было ведь за что,
Была проявлена завидная сноровка.

С младенца сняли рыбы жабры, червяков, кишки
И рыбным ножиком покончили с кровавой пуповиной,
Новорожденного в приют сиротский отнесли
И продолжали торговать, забыв о том событии невинном.

Глава четвертая

Приютный дом похож на черный склеп.
В нем – нищета и грязь, клопы и тараканы,
Хозяйка «цербер» там уж много лет,
Ну, а еда – еда, все дети там в коросте, в ранах.

Там пятилетки, шестилетки малыши,
А восьмилетних нет – они уж на работе.
Под рваную одежду поедом едят их вши,
И лица детские невеселы – всегда в заботе.

Мальчишку бросили средь малышей,
Там он лежал недвижимый и бездыханный,
Детей хозяйка гнала от новорожденного взашей.
Хотелось им узнать, не умер ли подарочек неожиданный.

Вдруг в склепе в темноте раздался крик,
И мертвый залился противным плачем,
Подушка на лице вдруг оказалась вмиг,
Но не успели задушить: остался жив – удача.

Работоторговлей жил приютный дом,
Детишек много – деньги все же приносили,
Как восемь стукнуло – из дома вон.
Работай по шестнадцать в день, чтоб не прибили.

Еще ведь повезло, не продали совсем и навсегда,
А только лишь в наем ребенка сдали,
Еще вернуться на ночь есть куда.
Ребенок счастлив, что чужому не отдали.

Бесправие царило в те века и произвол:
Раз в нищете родился – в нищете подохнешь.
И выбрать можешь только зло из этих зол,
И что среди богатых нищий может.

Нет выбора в той жизни – тут и там.
Ну, только если Бог пошлет талант ребенку,
Тогда, быть может, вверх пробьется он с грехом пополам.
По грани между Сциллой и Харибдой тонкой.

Хозяйка отлупила без пощады кочергой
Несчастных, чтобы впредь была наука,
И занялась подсчетом выручки дневной,
А в доме наступила омертвляющая скука.

Ребенок рос, как будто бы глухонемой.
И до пяти не говорил ни слова.
Товарищи по дому поняли, что он чужой,
С ним не играли – избивали по-глухому.

Глава пятая

Для Жан-Батиста обонянье стало всем,
Чем он дышал и жил ночами-днями.
Он нюхал все, что попадалось, а затем
Старался в памяти те запахи хранить – долой печали.

Вон крыса дохлая – какой же запах у нее,
В болотце ржавое железо – вот находка.
А запах тухлой рыбы – тоже ничего.
Годами шел за запахами неспешащею походкой.

Лягушку, сук, гнилье и запах роз – все запахи,
Что тысячи предметов выделяют,
У Жан-Батиста проникали через нос,
Нос нервный с трепетными крыльями – все удивляет.

Он в 20 000 раз был восприимчивее, чем у нас,
Почти таким же стал, как у собаки,
Ровесники не удивлялись – интерес погас,
Ну, раз дурак, пусть нюхает – тут не до драки.

Однажды ночью вдруг случилась беда,
На темной улице хозяйка оказалась,
Зарезана грабителем была она,
Полиция расследовать не стала – так случилось.

А муж хозяйки был не человек, а зверь,
С огромной плеткой никогда не расставался,
Он быстро Жан Батиста продал без потерь,
В аду, в работе рабской мальчик оказался.

Огромный за спиною с мокрой кожей тюк,
Вонючая вода с него ручьем стекает,
Тащи в окрасочную яму – да не спотыкайся, друг,
А сорок килограмм на спину давят.

Глава шестая

Париж вечерний триста лет тому назад
Глаза не только нищетой, но и богатством поражает,
Кареты и коляски с дамами прекрасными подряд,
А кавалеры юные их на конях сопровождают.

Ряды с колбасами, сырами, фруктами разных стран,
Там горы устриц – горы дорогих печений,
Там соболя, и жемчуга, и веера в руках у дам,
Там масса необыкновенных развлечений.

Средь говорливой, шумной, праздничной толпы
В вечерний час, в века ушедшего Парижа,
Шел юноша, а за спиною – посмотри,
Тащил он кожи тук на улицу соседнюю, которая пониже.

Парижская толпа по улице текла рекой,
Струилась в разговорах, запахах так ярко,
И сколько сотен тысяч запахов в реке людской,
Для Жан-Батиста не существовало лучшего подарка.

Для бриллианта дар – волшебный свет,
Так и для носа запах – он неопишное счастье,
Когда в тебя вливается немыслимый, неопишмый букет,
Невиданное сочетание всех запахов роскошного нюанса.

О, провидение! К сверкающей витрине поскорей,
Лицом к стеклу прижавшись, смотрит,
Внутри сидят, стоят – там множество людей,
К их носу парфюмер красивые флакончики подносит.

О, лавка парфюмерная – для женщин рай.
Такого в жизни ты и не представишь,
Тут к носу сотню тех флаконов подавай,
А на каком остановиться, может быть, не угадаешь.

И вдруг удар жестокий – палкою по голове,
Хозяин сзади потихонечку подкрался,
Хозяин-зверь от злобы – не в себе,
Подлец-мальчишка у витрины задержался.

А как хотелось рассмотреть, понюхать те флакончики ему,
В карминовых и голубых – прозрачно нежных красках,
И ощутить то волшебство как был бы рад, но почему?
Тот запах был не для него – для женщин в шляпках.

Глава седьмая

Однажды вечером по темной улице решил пойти,
Случился фейерверк в тот вечер темный,
Вдруг запах необыкновенный – ну, пустяк его найти,
Он понял, что от девушки с корзинкой персиков определенно.

За девушкою шел довольно долго, не спеша,
И по-кошачьи, незаметно подобрался к ней поближе.
От запаха, который вдруг ударил в нос, дрожала вся душа,
Дотронулся он до ее руки. Все ближе подвигаясь, ближе.

И в подворотне девушки поймал он изумленный взгляд,
Она подумала, что нищий – протянула персик,
Но фейерверков взрывы – улицей подряд,
Вдруг спрятали ее в дыму – на время скрыв от смерти.

А запах девушки Батиста к цели той неумолимо вел,
И на соседней темной улице ее он вдруг увидел,
Точнее, не увидел, нос его привел,
Затем случилось то, чего он не предвидел.

Он руку девушки схватил и гладить стал,
Как бы хотел те запахи с руки забрать с собою,
Она стояла в изумлении – затем бежать, он догонять не стал.
Он через нос следил – держал ее перед собою.

Как часто в жизни мы впадаем в немоту,
Когда неожиданное-прекрасное вдруг перед нами.
Душа дрожит и падает как будто в пустоту.
А сердце из груди выпрыгивает. Почему? Не знаем сами.

Наш Жан-Батист тончайшим обоняньем обладал,
И здесь был идеал единственный на свете,
Тут не было духов – тот запах для нее господь создал,
Тот запах бриллиантовый, неповторимый на планете.

Тот запах – он тончайший запах роз,
Тот запах был необычайной смесью тонких наслоений,
Тот запах нежности, любви и слез,
Тот запах неопределим, как изменение тончайших настроений.

Далекий 54-й год, мне двадцать лет,
Я на Тверской стою в волнении, наивен-честен,
Я первой настоящей встречи жду, и в этом весь ответ,
Я запахом весны объят волной чудесной.

Мой слабый примитивный нюх – мой нос,
Который в 20 000 раз слабее обоняния Батиста,
Но он такую радость мне принес,
Когда я утонул и в запахах ее, и бархатных ресницах.

Я понимаю Жан-Батиста, как никто,
Как трудно гению на свете жить – я представляю,
Ведь гений во злодейство впавший – он ничто,
Его страдания и слезы только дьявол принимает.

Наверно, через три-четыре улицы ее нашел,
Она сидела, разрезая персики напополам,
Он, крадучись, к ней тихо подошел,
И стал тихонько гладить шею, руки, спину.

Волшебный фейерверк вдруг улицу всю осветил,
Любовники, целуясь, пробежали мимо.
Он девушке в испуге рот закрыл,
И так держал и задушил – она упала недвижимо.

Прекрасное и нежное лицо – открытые глаза.
Смотрели на убийцу с укоризной,
И он раздел ее, ладонями сгребал спеша,
Её он запах тела собирал в последней тризне.

Как зверь обнюхивал лобок ее и небольшую грудь,
Затем на шею, волосы он перешел внезапно,
Какой-то голос говорил ему – ты этот запах не забудь.

Великим станешь ты через него когда-то.
И если б кто-нибудь увидел этот страх,
Он бы сошел с ума, бежал бы с места,
По трупу ползает какой-то человек впотьмах,
И что ладонями он собирает с трупа – вовсе неизвестно.

А все так просто – должен этот запах в памяти держать,
Ведь девушка хотя и не жива, но для него находка,
Интуитивно знал, такого идеала-запаха ему не повстречать,
Закончив запах собирать, ушел нетрезвою походкой.

А дома за отлучку был хозяином избит,
С ума сходил от запаха той девушки убитой,
Почувствовал свое предназначение – не спит,
И с Жан-Батистом он везде – тот идеал, тот запах незабываемый.

Глава восьмая

На следующий день он должен был доставить пачку кож
К известному в Париже парфюмеру.
Дом, где он жил, на дом-то не похож —
Он был, как и другие, на мосту – под Сеной.

На том мосту стояло множество домов,
И мост дугою странной нависал над Сеной,
Дом к дому примыкал – там не было дворов,
Там не было деревьев, не было травы, и не было веселья.

На мост поднявшись, Жан-Батист дом быстренько нашел,
И тихо подойдя к окну, лицом к нему прижался,
Затем, в дверь постучавшись, в дом вошел
И встал, как вкопанный, смотрел вокруг и удивлялся.

Там, в полутьме таинственной, все стены полками окружены,
Там тысячи сосудов, емкостей, пробирок.
Два парфюмера спорами горячими увлечены,
Как лучшие духи создать, которые получше Мирры.

Скворчат, кипят сосуда на огне на тиглях,
Пары уходят к потолку, там исчезая,
Идет работа парфюмерная не второпях,
А что получится в конце концов – никто не знает.

И вдруг максимализм юношеский возыграл,
Рванулся юноша к тем колбам по какой-то мере,
Десятки содержимого смешал – перемешал,
А результат дал нюхать изумленным парфюмерам.

В минуту получилось то, на что у них ушли года,
А юноша и не подумал сделать перерыва,
Шедевр создал тот, который никогда
Не был бы сотворен без этого порыва.

По комнате метался, словно дикий зверь,
Хватая колбы разные, сосуды без разбора,
Прикидывая, смешивал, болтал и вот теперь
Дождался – выброшен за дверь без разговора.

Вот вечер подступил,
и старый парфюмер уселся за рабочий стол.
Достал шифоновый платок и склянку наглеца с духами,
Вот капля на платок – движеньем пред лицом провел,

Вдруг переполнился нос старика невиданными чудесами.
Он понял, гения он выставил за дверь,
Он понял, что теряет состоянье,
Он выкупать парнишку полетел теперь,
Он понял – тот мальчишка даст ему известность. Состоянье.

Он выкупил парнишку деньги заплатив,
Тому досталось по спине – так, для остратки,
И в доме странном на мосту мальчишку поселив,
Он сделал жизнь Батиста просто сказкой.

Жан обнаглел – учить он парфюмера стал,
Каких ингредиентов в смесях не хватает.
Хотя из вежливости спрашивать не перестал,
Прикидывался, как создать шедевр – не понимает.

А парфюмерный труд – о, как же ты тяжел!
Известные духи ведь можно посчитать по пальцам,
Я даже и примера нужного здесь не привел,
Он скрупулезен, как вязание на пальцах.

Жан сделал ящик – на тринадцать секций разделил,
И в каждую флакончик с лучшими духами вставил,
А вот тринадцатую секцию духами обделил,
Там не было того, что он себе представил.

Кипела в чане сотня килограммов роз.
Хозяйский кот был сварен для науки,
Варилось все, что может, было огорчение до слез,
Не получил он нужного, не шли духи те в руки.

Хозяин стал богат. Почетен, знаменит,
Двенадцати духов Парижу ведь вполне хватало,
А Жан-Батист мрачнел, больным он стал на вид,
Тринадцатого в стойке флакончика не доставало.

Он понял, что в тринадцатом должна быть та,
Та девушка, которую он задушил когда-то,
Тот запах локона и тела, персиков, лобка,
Он в обморок упал от осознания, насколько девушка не виновата.

Он тяжело заболел – забросил все дела.
А парфюмер с продажи богател – не знал заботы,
Но час пришел, и к старику с косой пришла Она,
Сказав: «Пойдем со мной, заканчивай работу!».

Жизнь беспощадна и не предсказуема подчас,
Грабителями был убит хозяин бывший Жан-Батиста,
А парфюмер ушел в определенный час,

Мир парфюмерный потерял великого артиста.

Звезда судьбы, мерцающая с высоты,
Куда ведешь ты человека ежечасно.
Он ждет, что счастье на него обрушишь ты,
А ты обрушиваешь на него несчастье.

О, Сена! Франции прекрасная река,
Веками чрез Париж течешь чудесною волною.
Розетками прекрасные соборы смотрятся в тебя
И в отражении своем любят себя.

И рухнул мост, и рухнул в Сену дом,
Все старое ушло навеки безвозвратно.
Наш Жан-Батист свободен – молод он.
И жизнь, что впереди сияющая, необъятна.

Поля лаванды – бесконечная сиреневая даль
Перемежается пшеничными полями,

Не знает наш герой, куда идти.
Быть может, в монастырь – в печаль?
А может быть, по жизни дальше за духами.

Ведь перед тем, когда хозяин умер, в Сену мост упал,
Он сонм духов создал и не напрасно,
Известен стал в Париже – весь Париж его узнал,
Хотя 13-й пустой флакон всю душу бередил ужасно.

Уж тридцать дней по Франции в пути,
Весь грязный, оборвавшийся, уставший,
И скоро надобно ночлег найти,
А где найти по времени и подходящий.

И вот нашлась песчаная пещера – темнота.
Он весь в грязи, и тыщи запахов к нему прилипли.
Бессонница – и в мыслях пустота,
И вши изъели голову – коростюю налипли.

Как вдруг спасительная мысль пришла.
Он должен лучшим быть в подлунном мире.
Он вспомнил запах девушки, которая задушена была,
Тот запах оставался в голове, хотя ее давно убили.

Невдалеке чудесный водопад шумел,
Как раз, чтоб запахи убрать из задубелой кожи,
Он так отмыться той живительной водой сумел,
Что как новорожденный стал и с человеком схожий.

Он понял, дальше должен жить он только для того,
Чтоб лучшие духи создать единственные в мире.
Он должен этот запах уловить, и больше ничего
Не оставалось интересного в подлунном мире.

Но вот случилось, как-то он гулял,
Как вдруг увидел девушку в изящнейшей карете.
Почти что в обмороке он знакомый запах обонял,
Тот запах – тот единственный на свете.

И день прекрасный вдруг исчез как в никуда,
И солнца свет, и жаворонок высоко над полем,
Расплата здесь одна: иль радость, иль беда,
Такая уж досталась Жан-Батисту доля.

По следу запаха бежал он двадцать верст
И, изможденный, прибежал к закрытым городским воротам,
Характеристику от парфюмера страже преподнес,
Заботы стер со лба, покрытым потом.

Глава девятая

Игра страстей – ведь человек перед тобой никто,
Живет и действует не сам – по принуждению,
Он не откажется от страсти ни за что,
Ни в будни полных дел, ни в воскресенья.

Красавица та дочерью известного купца была,
Росла в богатстве, неге и покое.
При общем обожании – в любви отца росла,
Цвела чудесной орхидеею на Божьей воле.

Купец в том городе имел огромный вес,
Он уважение завоевал своей работой.
А во дворце его – богатств не счесть,
И счастье дочери – единственная у него была забота.

На землю опустилась ночь – струилась тишина,
И запахи цветов все ароматом заполняли,
А девушка стояла у раскрытого окна,
И что за ней следят – ее глаза не замечали.

Там, за решеткой сада, в темноте,
Лицом прижавшийся к ограде плотно,
Герой наш наблюдал за нею, как во сне,
От запаха чудесной девушки пробит холодным потом.

При замке в городе большая фабрика была,
Картины из цветов рабочие изготавливали.
Процессы сложные – от выклейки красивых лепестков
До варки их в огромнейших котлах – секреты знали.

Наш Жан-Батист устроился одним из тех,
Простым рабочим по работе примитивной.
Он цель поставил пред собой – главнейшую из всех —
И знал, что к ней пойдет дорогой длинной.

Ночами долгими продумывал, как дальше жить,
То сотворить, чего на свете никому не снилось,
Духами Францию завоевать и покорить,
Чтобы в «нирвану» люди погрузились.

Вдруг гениальная идея в голову пришла,
Ведь запахи ладонями не соберешь, так быстро исчезают,
Идея та была изящна и проста,
Как раньше не пришла, наш Жан-Батист не понимает.

А сделал так: вытапливает жир белейший нутряной,
В процессе самогонном запах удаляет,
Обмазывает тело девушки он смесью той
И с тела девушки скребком снимает.

А лучше так – обмазывай все тело,
Материей тончайшей с головы до пяток оберни,
Затем материю, пропитанную жиром, выжми смело,
И в самогонный аппарат ту выжимку перенеси.

Вот с трубки кончика тот долгожданный запах вдруг
Пойдет – и если это он – то голову закружит,
И эти капли эталоном станут для духов, мой друг,
И в сотенных смешениях получишь то, с чем дамы дружат.

Вот проститутку пригласил, разделась девушка для дела,
Тут грудь обвисшая, истерзанное тело, худоба.
Он жир в тазу перемешал, чтоб нанести на тело,
И получил удар от проститутки – вот беда.

Пришло наитие – с живыми тут не сладишь,
Объекта для экспериментов не найдешь,
Тут только с мертвой девушкой поладишь,
Тут только с мертвой запахи возьмешь.

Глава десятая

Вечерняя пора – почти уснувший городок.
В отличие от больших, довольно чистый и опрятный.
А что живут в раю, всем жителям там невдомек,
Они ведь думают – в Париже жить приятней.

Удар в лицо от проститутки даром не прошел,
Убил и задушил несчастную девчонку,
И жир тот вытопленный цель нашел,
Струей с материи в сосуд полился тонкой.

Бесчисленные ночи в тесной комнатке без сна,
В экспериментах – записи и выводы слагались,
Работа днем на фабрике – дневная суета,
В работе гения почти не отражались.

Ночь – тишина – вот одиноко девушка идет домой,
Из подворотни вдруг рука на рот – не закричит отчаяно,
Труп тащит Жан-Батист по улице кривой,
Дрожит, чтоб кто-то не увидел и не закричал случайно.

Домой – добычу поскорей раздеть,
Обмазать жиром, тканью обернуть да поплотнее,
Затем все снять и труп куда-то деть,
За следующим в путь – да поскорее.

Десятки девушек злодеем уж умерщвлены,
И все из-за флакончика всего-то весом 40 граммов,
Не стало в городе привычной суеты.
Замолкло, притаилось все от страха не задаром.

Отец Лауры время не терял – собрал верховный суд,
Все лица бледные, не знают, что и делать,
В отчаянье, что девушек всех в городе убьют,
Все поняли, что в городе убийца массовый – он без предела.

Но жизнь есть жизнь, и молодость – она ведь молодости брат —
По паркам-насаждениям гуляет смело,
Нет фейерверков, и колокола, как прежде, не звенят,
Но все равно не ожидает молодость конца от беспредела.

Серебряной струей внизу река чудесная течет,
И вдруг по ней труп молодой плывет, качаясь,
Испуг – там девушка в водоворот
Вдруг попадает, и прекрасное лицо в нем исчезает.

Собака разрывает землю, и находка вдруг:
Коса чудесная девичья из земли вдруг появилась,
Так новая красавица вошла в смертельный круг,
Круг, из которого костями объявилась.

В подвале фабрики стояла колба из стекла,
И в полный рост в воде там девушка качалась.
Там, где должны быть розы, там была она,
И грудь красивая в ней лепестками облеплялась.

А дальше – больше, не было конца
Там преступлениям – жизнь казалась крахом.
Сомненья и волненья так запутали отца,
За дочь свою дрожал он в страхе.

Ночь, тишина и стол, на нем красавица лежит,
Над нею Жан-Батист стоит, склонившись,
Скребок он жир снимает, что в себе таит
Ту каплю красоты, которую в 13-м флаконе ищет.

И стало так, что жизнь в том городке как будто умерла,
Ни смеха, ни улыбки в нем не сыщешь,
Как будто мать-смерть всех погребла,
Все под собою погребла, ростков там жизни не отыщешь.

И наступил предел, и смерть взяла свое,
Десятки жертв невинных жизнью искупили,
То жизни воровство, что Жан-Батист возвел
На высшую ступень, чтобы его труды не позабыли.

Тринадцатый флакончик – о, недостижимая цель,
Должна была достигнута любой ценой и в самом деле,
Над ней работал Жан-Батист, тут верь или не верь —
Он был физически-духовно на пределе.

Как много запахов в флакон заключены теперь.
Но как в ключе к замку какой-то маленькой насечки не хватает.
Им не открыть таинственную и недостижимую дверь
Без эталона-запаха, флакон пустой, и Жан все это понимает.

Охраной неприступно окружена была
Мечта его – такой непроницаемой стеною.
13-й флакон пустой, при всех достоинствах – беда,
Иль жизнь закончена – и нету перспективы пред тобою.

Заветный длинный ящичек с 13-ю отделами стоит,
12 наиважнейших духов перед тобою,
А жизнь терзает Жан-Батиста, торопит,
Ищи последний ключ к успеху и работай над собою.

Глава одиннадцатая

Однажды девушка решила без подруг
В вечерний час за розой в сад спуститься.
Но спасена была – случается такое вдруг.
Отец с балкона девочку позвал – домой поторопиться.

Убийца девушку среди кустов почти догнал,
И задушить ее хотел – могло такое получиться.
Но музыкаю запаха объятый, без сознания упал.
И злодеяние уж не могло свершиться.

На фабрике кипит работа – бесконечная страда,
Из тысяч лепестков вдруг появляются картины,
А Жан-Батист ждёт ночь – она ему мила,
Он новый запах ждет от девушки невинной.

В огромных баках варит он цветы,
При перегонке надо получать божественные капли,
Которые потом войдут в состав духов – они
Те долгожданные и маслянистые экстракты.

И половодьем неохватным паника росла,
То там, то здесь вдруг появлялись трупы
Красивых девушек – какая тайна здесь была.
Ломали голову в отчаяньи – вниз голову потупив.

По-прежнему стоял пустым тринадцатый флакон,
Наш парфюмер не мог его заполнить,
Как волк израненный, метался он,
Хотя был рад, что главный запах рядом, чтобы точно помнить.

Однажды он вошел в сарай и увидел веселую картину:
Там молодой рабочий с девушкой в любовь играл,
За ней по лестнице на сеновал, не удержался – больно спину.
Прелестница кричала, чтобы к ней не приставал.

Ну разозлился наш любовник молодой,
Ушел – не удалось схватить молодку,
Но лестница вдруг поднялась на сеновал, как бы сама собой,
И обнаружена назавтра страшная находка.

Собрание за собранием – паника, бессилье, пустота.
И вдруг опять в стеклянной колбе плавает девчонка,
Задущена, убита, жиром смазанная в наготу она,
И стон, и плач родных в подвале преогромном.

Великий праздник – день рождения наступил
У дочери купца – красавицы Лауры.
И шумный рой гостей дворец заполонил:
Там не было того, кто был бы хмурым.

Всплеск фейерверком разорвал ночную тишину,
И что одна из девушек пропала-то, никто не замечает.
Она убита, ведь известно – почему.
С ее груди, лобка все запахи скребок снимает.

Красивое лицо и розовый сосок
Убийцу, ну, никак не привлекают,
От девушки ему лишь нужен прок,
Тот запах юности, который поражает.

Вот так для эфемерной цели убивал
Миллионы жизней Гитлер, Мао, Сталин.
И в сладострастной жажде тех убийств не замечал.
Значения не придавал кровавому следу, который он оставил.

От множества убитых во флакончике экстракт,
И капля каждая – погубленная жизнь, в нем беды.
Но не хватает капель – все не то, не так —
Не тот предел, который нужен для Победы.

Работая как проклятый, ночами он не спит,
Вся комнатуха в банках, склянках и экстрактах,
Над записями в мелких буквочках корпит,
Уже исписана десятая толстенная тетрадка.

А паника растет, вот в речке труп плывет,
Или в усадьбе у крестьянки труп находят,
Иль в поле средь лаванды – кто и как поймет.
Как очутились там, и в голову не входит.

Открыты арсеналы – у людей оружие в руках,
Ворота, окна забиваются отчаянно,
Чтобы убийца не пробрался в дом впотьмах.
Очередную жертву не убил случайно.

И время шло, и глаз, повсюду глаз
Невидимо купеческую дочь сопровождал повсюду.
И не случайно встреча вдруг произошла,
Лаура уцелела проявлением божеского чуда.

Однажды вечером в огромнейшем саду
Ну, только на минутку разлучилась с подругой,
Дыханье на плече почувствовала – с криком в темноту,
Бедняжка побежала – подоспел отец, да не один, а с другом.

Убийцу скрыла бархатная ночи темнота,
Хотя переполох был во дворце ужасный.
Беспечность жизни, радость бытия ушла,
И даже солнца день стал больше не прекрасным.

Глава двенадцатая

Но вдруг колоколов трезвон, и радостная весть
Пришла ко всем и к кардиналу тоже,
Убийца пойман и повешен, и торжество не счесть,
Народ ожил, ну, можем жить теперь, похоже.

А Жан-Батист над этой суетою наблюдал издалика,
Посмеиваясь над ошибкой, был живой и невредимый,
Опять его преступная неуловимая рука
Творила зло – «господние пути ведь неисповедимы».

Отец решил – нельзя так дальше жить.
И надо быстро уезжать и дочь забрать с собою.
Он понял, что задержка может дочку погубить,
Он понял, что нельзя играть с жестокою судьбою.

На море в замок родовой ее привез – спеша
За триста километров от родного дома.
И не жалел, что далеко увез дитя.
Он от опасности спасал ребенка дорогого.

Безбрежное аквамариновое море за окном,
И чаек белокрылых быстрые скользкие полеты,
Морской волны в шипении, падение – подъем,
Свободы ощущение – прощай, тревоги и заботы.

Нет, никогда и никому не подобраться к этому окну,
И только чайка белокрылая вдруг пролетит случайно,
И может отдохнуть от горестей отец, и потому
Теперь он спит спокойно, сердце не колотится отчаянно.

Вот начались спокойные и нетревожимые дни,
Гуляла дочь у моря, где хотела, окруженная охраной.
Везде в садах благоухали редкие цветы,
Вставала рано – засыпала в счастье рано.

В уединенном замке том – отец в уединении не жил,
Там часто собирались старые и молодые,
Там были новые и старые друзья – он их любил.
И постепенно все о прошлых страхах позабыли.

Глава тринадцатая

В тот день, когда купец уехал в Норманди,
Наш парфюмер оставил город шумный,
И много дней за запахом в пути
Он шел за жертвой будущей походкою бесшумной.

Дорога жизни, ускользающая вдаль.
На ней не только пыль, заботы и тревоги,
На ней так часто встретишь радость и печаль,
О, путник дорогой, крепись на жизненной дороге.

Так может быть, что ноги стерты в кровь,
А может быть, летишь ты ветерком в пролетке,
На ней ты можешь встретить жизнь и смерть или любовь,
И можешь плакать и смеяться ты при той находке.

На ней все можешь ты в минуты потерять,
А можешь все приобрести по божьей воле,
Там по потерянному можешь ты навзрыд рыдать,
Свободой наслаждаться вдруг в короткой человеческой доле.

Там можешь ты отца и мать похоронить
И с трепетом сердечным услышать крик первенца пронзющий,
На той дороге можешь быть судьбой избит
Или избалован Фортуной прилетающей.

Ты можешь оказаться на дороге чист и свеж,
К концу же подойти и в грязи, и уставший,
Так много оскорблений получивши от невежд,
Что жизнь считать ты будешь прожитой зазря, пустяшной.

Похоже, ненависть и клевету получишь там,
Там вместо правды и любви на той дороге боли,
А может, все твои грехи Господь расставит по местам,
И будешь счастлив ты по Божьей воле.

С дороги той поднимешь вновь и вновь,
Хотя с тобой все время будут и печали, и тревоги,
Поднимешь камни легкие названием Надежда, Вера и Любовь
Камней тяжелых ты не встретишь по дороге.

Глава четырнадцатая

Для Парфюмера – предыдущего четверостишия я не писал,
Я не имел его в виду, кровавого убийцу,
Он камня одного с дороги никогда не сдвинул и не приподнял,
Он весь в грехе, в крови проклятого витийства.

А через месяц весь оборванный он к замку подошел,
Обросший, грязный, вид почти безумный,
Другой при виде замка отступил – ушел,
Но наш убийца не был юношей благоразумным.

С собой он нес тринадцатый полупустой флакон,
В котором не хватало главного, о чем мечтал трудяга.
Он знал, что первым в мире будет он
И никогда не будет нищим бедолагой.

Неделями он только тем и жил, что наблюдал,
Как отыскать лазейку в неприступный замок.
Что девушка могла узнать его в лицо – он знал,
И не хотел тюремную решетку получить в подарок.

По вечерам отец к любимой дочке заходил,
А на ночь двери на замок крепчайший закрывали.
Кругом охрана грозная – приказ не спать им был.
За это голову свою собственную отвечали.

Тот замок был построен на обрывистой скале,
К нему вела единственная горная дорога,
К окну ее лишь только птица залетала в солнечной голубизне,
Отец почти не волновался – слава Богу.

Но вот однажды ночью в страхе побежал он к дочкиной двери,
В пути дрожал от проникающего страха,
И, устремившись к двери, крикнул страже: «Отвори!»
И пот по лбу и по спине, вся мокрая рубаха.

Открылась дверь скрипучая в ее покой,
Она спала – освещена луны сияньем,
Струились волосы ее роскошною волной,
Она была во сне неопишным очарованьем.

Ушла тревога, потеплело сердце у отца, и отошла беда.
И счастье вдруг безмерное всю душу охватило.
Хотя какое-то предчувствие охватывало иногда,
И для охраны дочери он делал все, что было в силах.

А время шло – в один прекрасный день
Ключом огромным дверь открыл – о, Боже,
Лаура голая лежала – смятая постель,
Роскошных нет волос – задушена была, похоже.

В тревоге Франция – подняты города,
И потекли солдаты по ее дорогам,
Приказ – найти во что бы то ни стало подлеца,
В соборах тысячи молились, ожидая помощи от Бога.

Теперь представьте все отчаянье отца:
Любимая мертва и не вернется боле.
Убийца на свободе, радостна душа у подлеца,
А у него душа вся разрывается от боли.

А что же наш герой – где он?
А он в пути, объятый счастьем безмерным,
Теперь в его 13-м флакончике тот эталон.
Которого добился все ж убийством непомерным.

Луга, поля, такая рань – такая тишь,
Душа его вся в радости трепещет, утопает.
А совесть – совесть, что же ты молчишь,
А совесть умерла, объята гордыней. Он ее не знает.

Свершилось: во флаконе жизнью сорока экстракт,
Да плюс к нему один – главнейший.
А все досталось не за просто так,
Какою кровью он добыт и головой умнейшей.

Он в роковой флакон последнюю добычу влил,
Он без дыхания упал в «нирвану».
Он понял, власть в его руках – ее добыл.
Он победитель – первый над людьми без всякого обмана.

И вдруг был окружен солдатами – куда флакон,
Тут мысль работала отчаянно,
Один лишь путь куда – ох, не удобен он,
А сохранить все надо, хоть и боль необычайна.

И схвачен был, и отвезен в Париж,
Столица радостью охвачена безмерно,
Раскрыты преступления, и их не умолчишь,
И казнь будет для убийцы беспримерна.

Распнут на бревнах четырех, гвоздем прибив,
Поочередно руки, ноги, не спеша, отрубят,
Примером страшным тысячам живых,
И долго-долго казнь ту люди не забудут.

И день настал – ждут тысячи людей
Той казни беспримерной с нетерпением,
Повозка грязная – где он, ну, поскорей,
Убийцу пусть распнут без промедленья.

Помост, палач, топор стоймя стоит,
Крестом сколочены накрепко бревна,
И через маску черную палач глядит,
Ему не терпится казнить убийцу всенародно.

Толпа шевелится и издает ужасный гул,
Тот гул ужаснейший толпы немытой,
Тот гул плебейский, неизменный той толпы разгул,
От предвкушенья крови запаха пролитой.

Ну, что так долго – в нетерпении толпа.
Когда появится повозка – в ней убийца.
Когда топор поднимется с тем взмахом палача,
Четвертование ведь редко – может боле не случиться.

Глашатай крикнул громко, резко: «Расступись!»
Толпа отхлынула, давая ход карете,
Нет, не повозке грязной – тут ты удивись,
Роскошнейшей карете – редкостной на свете.

Четверкою запряжена чудеснейших коней,
В блестящей сбруе – золотом пробитой,
С фигурами летящих белых лебедей,
На запятках со слугами и с крышею открытой.

Толпа подумала, что это сам король
Пожаловал на казнь, все на колени встали.
К помосту рвались с криками «позволь!»
Не шутка, сам король пожаловал – такого не видали.

Ну, вот и все. Карета у помоста встала,
И на откладных ступеньках появилась нога,
Которая не королю принадлежала,
Убийцы нашего она ногой была.

Из бархата башмак был темно-синий,
Украшен бриллиантовой пряжкой башмак,
За ним и наш герой в кафтане темно-синем,
Перед толпою на помост взошел – «одет-то как!»

Взошел и из камзола вынул что-то,
Палач пред этим что-то на колени встал,
И припадая к его ноге, он отчего-то

Топор убийце в руки передал.

Герой наш с гордым взглядом победителя взирает,
Внизу была толпа людей, так жаждущая крови,
На власть его теперь никто не посягал,
Отныне у него есть все – чего же боле.

Камзол, расшитый стразами из бриллиантов,
Невиданным богатством, красотою поражал,
С осанкой королевскою и изумрудов пуговиц рядами
Перед народом гордо он предстал.

И шум толпы замолк, и тишина настала,
Лишь вдох и выдох слышен был от десятитысячной толпы,
Вдруг Папа на колени встал, и все вельможи встали,
Травую скошенную люди все на площади: «Смотри!»

Движенье дирижера – появился вдруг флакон,
В другой руке шифоновый платок явился.
И на него три капли из флакона вылил он,
И что за тем случилось – не могло случиться.

Все, кто собрались – оказались вдруг в раю,
Любовью переполнены сердца людские стали,
И к ближнему любовь вдруг охватила всю толпу,
И все друг к другу с поцелуями припали.

Вот молодая девушка, целуя, раздевает старика,
А вот прекрасный юноша другого раздевает.
А вот старушка с юношей почти нага,
А вот и Папа шлюху непотребную, целуя, гладит.

Десяти минут и не прошло, а площадь вся была
Усеяна телами голыми в влекущей страсти,
Там свального греха – подарок от «лукавого» – пора пришла,
И это было наваждением каким-то, было счастьем.

Там не было стеснения, там не было стыда,
Вся площадь превратилась в место общего совокупленья.
И даже Папа, а ведь это Целибат, да навсегда,
Со шлюхою совокуплялся непотребной.

А он стоял и вниз смотрел, чуть-чуть прикрыв глаза
Как волнами то вниз, то вверх толпа бушует,
И вспоминал ту первую, и по щеке слеза,
А память о второй сжимает сердце и волнует.

Один той власти не поддался, сжав в руке клинок,
Отец Лауры на помосте оказался,

Но, посмотрев в глаза убийцы, произнес: «Сынок,
Тебя люблю», – без памяти упал, ответа не дождался.

И запах потных тел и спермы, льющейся потоком,
Победный запах из флакончика всё заглушил.
Но этот свальный грех казался и ненужным, и далеким,
Наш Жан-Батист ушел с помоста. Гений победил.

А время шло, вдруг схвачены одежда и белье,
Исподнее надето на тела поспешно,
И стыд, и срам толпу вдруг охватил.
Как так случилось? Отчего?
Никто не понимал,
срамное место прикрывали спешно.

И молча разошлись, потупив к долу взгляд,
Хотя, я думаю, что старики довольны были.
Молодку подержав в своих трясущихся руках,
Еще, я думаю, до смерти этого не позабыли.

Наш Жан-Батист прекрасно понимал,
Что цель достигнута, жизнь стала эфемерной.
В процессе достижения цели так устал,
И прежней радости уж не было безмерной.

Париж вечерний, площадь, где родился – перед ним,
Торговки рыбою подсчитывают заработок нищий,
Тот рынок для клошаров нищих, он его не позабыл,
Для человека маленького рынок тот не лишний.

И глаз внимательный из темноты смотрел,
На нищету ужасную всю в трюхе и грязи,
Но ничего от жизни гений не хотел,
Хотел уйти из жизни гордо, принцем, князем.

И вышел он на площадь и посередине встал,
Достал флакон и на голову вылил,
Ведь все, что будет, он предугадал,
Убийца – гений, свет и жизнь возненавидел.

Случилось то, что он и ожидал.
Десятки женщин вдруг накрыли с головою,
И все – он больше ничего не видел и не знал,
Лишь дьявол знал, что приключилось той порою.

Разорван на куски, с собою унесен,
И не осталось ничего на площади той грязной,
Остался лишь на ней пустой флакон,
Напоминанье горестное той судьбы ужасной.

И капелька последняя стекла с него,
И сорок жизней молодых в ней заключались,
По грязной мостовой расплылась в ничего,
Но гения труды в ней на века остались.

P. S. Бывает иногда, что женщина, случайно проходя,
Вдруг оставляет молодости запах тот неповторимый,
Который создал Жан-Батист совсем не зря,
В боренье с жизнью и судьбой неотвратимой.

За этим запахом волшебным я готов идти и день, и ночь,
Тем запахом, что сотворен Великим парфюмером,
И за такую женщину я жизнь отдать не прочь,
В страстях сгореть: хоть по частям, хоть в целом.

Классических духов не больше десяти.
Какой невероятный труд стоит за ними,
И их не будет больше, как ты не ищи,
От парфюмеров ускользают дюнами – песком в пустыне.

08.07.2010

Италия – начало эмиграции. Счастливые, надушены духами, наверно, сделанными великим «Парфюмером». Фото 1977 года. Рим.

Послесловие

«Поэты ходят пятками по лезвию ножа»¹.

И это верно так, так точно это,
Я весь изранился, по этому пути идя,
Пора, я позабуду звание поэта.

Благодарю тебя, читатель дорогой,
Что уделил мне грешному внимания немного,
И в пониманье Бога мы пойдем с тобой,
Пойдем счастливою и дальнею дорогой.

Ну, вроде все – теперь жене внимание – уют,
Все, чем я жил, я описал, и слава Богу,
Я подожду, пусть раны не кровоточат, пусть заживут,
А там даст Бог опять в мучительную и опасную дорогу.

18.02.2010

¹ В. Высоцкий

Стихи

Дорогой жене Риточке посвящаю

Дорогой жене-подруге, спутнице всей моей жизни Риточке Фингер посвящаю Фото – 1994

Поле

Жене

Мы шли дорожкой через поле с васильками
Безбрежным, словно море, с голубой волной.
И ты тихонечко сопротивлялась, словно зная
И чувствуя, что станешь вдруг другой.

Интуитивно понимая, что невинность у порога
Уже осуждена – окончится дорожкой той
Но из моей руки не вырывалась, слава Богу,
Дорожка с васильками для тебя была судьбой.

И вот теперь вдвоем в той солнечной купели
Нас искупал Господь – не посчитал, что грех,
Связала нас любовь и в самом деле
На пятьдесят связала – нас двоих на полувек.

Стена пшеницы колыбель ту окружала,
И жаворонок, трепеща, нам пел из высоты.
Там страсть навеки нас двоих связала,
Стальной цепью неразрывной вырвала из суеты.

Из одиночества и пустоты нас вырвала навеки
И обрекла на жизнь счастливую двоих.
Дала нам все, что надо человеку,
Которую и не представить – нам теперь в ней жить.

Спасибо, поле, за застенчивость твою,
Которую ты скрыла наше прегрешенье.
Спасибо Господу за Милость потому, что
Он открыл для нас Любви прозренья.

02.08.2010

Крылья бабочки

Жене

От запаха весны я охмелел отчаяно,
И шорох бабочки прекрасных крыл
Сейчас я вспомнил не случайно,
Ее, присевшей на твое плечо, я не забыл.

Тончайший шорох – он волнует бесконечно,
Воспоминаниями душу вдаль маня
Его возьму с собой в дорогу я навечно.
О, бабочка! Не покидай прекрасного плеча!

29.09.2010

Загадка без разгадки

Жене

О, женщина, загадка из загадок,
Преследуешь меня – а почему?
Наверно, потому, что женщина не требует разгадки —
Не разгадать разгадку – той загадки никому.

Ведь даже Рафаэль своею гениальной кистью
Не смог отобразить, что в женщине лежит.
А там такое! Я клянусь своею жизнью,
Что, заглянув туда, слепоглухонемой заговорит.

И хорошо, не надо философствовать напрасно,
Оставим тайну без разгадки навсегда.
Есть постулат – любая женщина прекрасна,
Стройна, мила, умна, изящна – как моя жена.

29.09.2010

Мама жены, моя мама, моя жена, автор.

Фото – 1962 г. Около музея изобразительных искусств им. Пушкина, Москва.

Желание

Жене Риточке

Жена моя – какое счастье и какое горе,
Что встретил я тебя и так давно люблю.
Я не хочу, чтоб жизненное море
Нас разлучило на своем бегу.

Я не хочу, чтоб в счастье и несчастье
Дороги наши разлучила круговерть.
Я очень бы хотел, чтоб в одночасье
Обоих приняла нас Матерь Смерть.

Я так хочу, чтоб ни один из нас не мучился Судьбою,
Не доживал один оставшийся порог.
С небес отпущенный подарок – жизни наши —
По справедливости на небесах судил бы бог.

Тебя люблю, всем сердцем понимая,
Что разлучить меня с тобой не смогут никогда,
Ни Матьерь Смерть, ни суета мирская,
Что будем вместе мы навеки – навсегда.

И нашим двум судьбам, сплетенным здесь в любви,
В космической дали от суеты земной
Господь подарит там Покой и Волю,
Что на Земле так не хватало нам с тобой.

01.12.2008

Жене Риточке

В неведомых аквамаириновых глубинах океана,
Которые приснились мне давно во сне.
Среди кораллов раковина в одиночестве лежала,
Храня жемчужину бесценную в себе.

Когда-то мне цыганка нагадала,
Я должен в океан нырнуть за ней,
И если я со дна ее достану,
Моя жена подобна будет ей.

И я пришел на дальний берег океана,
Я должен был осуществить свою мечту,
Я помнил все, что мне цыганка нагадала,
Поклялся – без жемчужины отсюда не уйду.

Я прыгнул со скалы, борясь с волною пенной,
Поплыл в ту неизведанную глубину,
И без дыхания, в усилии последнем,
Достал со дна жемчужницу свою.

А в ней, как в колыбельке, там лежала ты,
В моей руке зажата бережливо, осторожно.
И жизнь мою без этой красоты,
Моя жемчужина, представить невозможно.

С жемчужиной сравнима светлая твоя душа.
Мой путь годами освещаешь теплым светом,
С тобою мыслить, жить так хорошо всегда,
Ты перламутром выстилаешь жизнь мою при этом.

Риточка. Ганновер, 1982

Трудно устоять перед красотой. Венеция, 2001

Жемчужина моя, жена-подруга жизни всей,
Ведь не было б тебя – нырнул я в океан, опять рискуя,
Наверное, не вынырнул из бездны никогда
И не нашел жемчужину другую.

01.12.2008

Р. С. Первый стих в жизни.

Любовь и ревность

Жене Риточке

Я открываю дверь – и что же вижу я?
Моя подруга жизни вся прижалась к полу,
По полировке, по пластунски ползает она,
Такого я не видел никогда, клянусь, ей Богу!

Ну ладно, там солдат на грязной полосе,
Который по заданию ползет до финиша порога,

Ну, здесь, я понимаю, можно попотеть,
Отдать все силы Родине для своего народа.

Ну, я спросил: «Зачем, куда и от чего ползешь?»
Ответ: «Хочу я сохранить свою фигуру,
Чтоб стройной и красивой дальше быть,
Чтоб ты не обращал вниманья на мою подругу».

Затем, в течение полных двух часов,
Бесчисленными упражнениями по кругу,
Ну, я спросил, «Не лучше ли вдвоем?
Ты делай упражнения со своей подругой».

Так день за днем в таких трудах она,
То в огурцах, то в масках с заказным навозом,
То смесь муки с глазуньей на лице,
То мед с инжиром, манго – шереметьевским привозом.

И руки чёрти чем измазаны всегда,
Творог на них, то облепиха отварная,
Все остается на моем лице тогда,
Когда она меня целует, обнимает.

Чтоб кожа пахла лучше, чем у всех,
Экстракт из олеандра литрами к ней доставляют,
Цветком прекрасным хочет быть она,
А столько стоит тот цветочек для меня, она не знает.

Когда в порядок приведет себя она,
То нет прекрасней ничего на свете,
Какой «мейкап», какие здесь глаза,
И не пытайся отыскать вторую на планете.

Чтоб кожа пахла свежестью у ней,
Экстракт из олеандра скипидаром разбавляет,
Походку вырабатывает, попкаю крутя,
Как будто никаких забот других и не бывает.

Ну, позавидуйте, читатели-друзья,
Все делает жена, любя меня, ревнуя,
Мне в жизни повезло, как счастлив я,
Ну, где и как найти красавицу такую.

Ведь скажете: «Наверно все не для него,
А для любовника, ему в утеху и в угоду,
А муж-то, дуралей, не понимает ничего,
Лежит, ворчит и жалуется на погоду».

Ну что ж, таким раскладом жизненным доволен я.

Мы вместе пятьдесят – мне семьдесят четыре,
Жене моей всего лишь семьдесят плюс два,
Она меня ревнует, любит, бережет поныне.

Какой стальной цепью связывают пятьдесят
Прожитых лет с любовью и признанием,
Быть может, проживем еще сто пятьдесят, Читатель!
Одари нас драгоценным пониманием.

Ведь женщина – она и во сто лет она,
Нет старости для женщин – знаешь?
И если будешь отрицать, что говорю,
То в жизни ничегошеньки не понимаешь.

8.05.2009

Спасибо Пушкину

Дорогой жене

В весенний день, весенний голубой и долгожданный день,
Когда весна в безудержной волне любви все освящает,
Когда заботы человеческие все уходят в тень,
Куда-то из души замерзшей улетают.

Стоял у памятника Пушкину я юношей в те времена
И, забыв судорожно в кулаке сжимая,
Я ожидал свиданья час. Тот час, когда она
Впервые на свидание со мной придет, от нетерпенья замирая.

Ведь перед этим был короткий телефонный разговор.
И вот две молодости встретиться должны случайно.
Мой друг – виновник этой встречи. Был меж нами спор.
Он мне сказал, что мне ее не покорить, и волновался я отчаянно.

Обычно с средними по красоте знакомство не пугало суетой,
Но он сказал, что положение мое ужасно.
Она отпугивает всех мужчин своею красотой,
И связываться с красотой женскою всегда опасно.

А я был не особенно высок, и, кажется мне, с виду неказист,
И шансов на победу я имел немного,
Хотя я знал – воспитан и душою чист,
Грехов в прошедшей жизни у меня не так уж много.

Надеялся, что Александр Сергеевич поможет мне,
И что мне делать в трудную минуту быстренько подскажет.
Ведь с женщинами не терялся он нигде,

Он завоевывал любовь, а там, что жизнь покажет.

И правда, не ошибся друг, когда она пришла,
Меня вдруг охватила дрожь, и я стоял в оцепенении.
Мне показалось, я услышал Пушкина слова:
«Иди, ее добейся и отбрось свои сомненья.

Ты к дяде не скакал в пыли на почтовых,
Всевышний волею Зевеса не имел наследство,
И нету целей у тебя сейчас иных,
Ты должен девушку завоевать, она прелестна».

Собравшись духом, столько слов я ей наговорил,
Она сказала, что беседовать со мной не бремя.
Еще сказала, что прекрасный вечер подарил,
Быть может, встретимся еще разок, когда найдет на это время.

Уж пятьдесят прошло, мы дней не замечаем,
Мы с Пушкиным встречаемся и вновь, и вновь.
Несем к его ногам цветы и никогда не забываем,
Кто подарил нам «жизнь, и слезы, и любовь»².

22.01.2010

*Молодость-молодость! Фото – 22 июля 1962 года.
22 апреля 1963 года появится наш сын Георгий.*

² А.С.Пушкин

Любовь длиною в жизнь

Жене Риточке

Твой день рождения в чудесный день весны,
Его я столько раз встречал с тобою,
Опять стучится в двери к нам, ну, заходи,
Я рад тебя встречать, хоть грустно мне порою.

А почему грущу, а потому что молодость ушла,
Она давно ушла, в тумане скрылась.
И не вернется снова, скрылась в никуда,
Но мы и не живем надеждой, чтобы снова появилась.

И не появится она, ведь жизненный закон суров,
То, что минуло, не вернется снова.
Не надо лишних объяснений и не надо слов,
Семидесяти трех уже не вычеркнуть из времени былого.

Чего ж я жду, ведь не случатся чудеса,
Они уже случились – ведь мы живы оба.
Года, года... На них нам сетовать нельзя,
Мы их прожили счастливо и слава Богу.

Живем, и наше прошлое прожили мы в любви,
В любви, что не приснится и во сне другому,
Твой день рожденья повстречаем мы еще в пути,
И не грустим, что мы стареем понемногу.

Останемся мы молоды с тобой душой всегда,
И будем пить шампанское на день рожденья.
Ну, точно так, как пили мы тогда,
Когда мы встретились там пятьдесят назад —
в том воскресеньи.

Так пусть приходит день, прекрасный день, когда
В кругу семьи все вместе соберутся,
В твой день рожденья чокнемся бокалами вина,
И пусть они хрустальным звоном отзовутся.

18.03.2010

Надеюсь

Жене

Не надо мне другой, чем та – судьба,
Судьба, в которой мы осилили дороги
Неимоверной трудности и тяжести порой,
Но похоронные нас не дождались дроги.

Мы прожили с тобой труднейшие года,
В бессчетных днях через чащобы жизни продираясь,
Через насмешки, зависть, страны, города,
Упорством и трудом успеха добиваясь.

Мы помогали людям, не имея сами ничего,
Делились с ними мы последним – возлюбили Бога.
Нам дал он трудные дороги – мы не горюем от того,
Что жизнь у нас прошла в заботах и тревогах.

Какой подарок драгоценный дал ты нам двоим:
Полвека мы друг друга каждый день встречаем,
Нам есть чем поделиться, мы друг с другом говорим,
Да и без слов друг друга понимаем.

Умалчиваем мы о страхе вдруг проснуться одному,
Когда тоска, как зверь, нам душу гложет.
Но мы не будем жаловаться на судьбу,
Надеемся, нам в этом Бог поможет.

О, Боже, не оставь нас в трудный час,
А сделай так, чтоб наши жизни вместе уходили.
Готовы мы к тебе прийти, готовы, хоть сейчас,
В надежде, чтобы нас на Небесах простили.

15.12.2009

А. Керн

Я не забуду необыкновенный день, когда
«Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась»,
Шуршала под ногой осенняя листва,
И лето к осени тихонько собиралось.

И солнышко последние несмелые лучи
Через листву в подлесок набросало,
Я шел с мальчишками в поход в лесной тиши,
Лишь пенье птиц покой тот нарушало.

Мы шли в надежде место лучшее найти,
Ночлег желанный, отдохнуть, была усталость.
Стремилась к речке, что бежала впереди,
Казалось до нее дойти – такая малость.

И вдруг на чем-то гладком подскользнулся я,
И растянулся на земле, но не землей то было.
Плита кладбищенская подо мной была,
На четверть из земли плита та выходила.

Я поражен был надписью на той плите,
«А. Керн» потертой гравировкою на ней стояло,
В висках вдруг запульсировала кровь во мне,
Не верилось, что мне увидеть предстояло.

О, Боже мой, «Я помню чудное мгновенье»³
В затерянном лесу явилось вдруг передо мной,
Написанное гением стихотворенье,
Явилось в яви вдруг – я не был сам собой.

Я растерялся, мысленно не мог собраться,
В заброшенном лесу – и вдруг она.
Не может красота в забвеньи затеряться,
Ей в Пантеоне место, там лежать должна.

³ А.С.Пушкин

В. А. Нащокина

Н. Н. Пушкина-Гончарова

А. О. Смирнова-Россет

Женщины, обожавшие А. С.Пушкина

Стих о красавице, шедевр неповторимый,
Весь смысл жизни нашей в нем любовь,
В нем гений выразил влечение к той красоте неотразимой,
Которая в веках волнует нашу кровь.

Стоял я в платоническом влеченье,
Ведь под плитой кладбищенской была она,
Прожег мне сердце смысл стихотворенья,
Потряс до основания, и в этом не моя вина.

Плита кладбищенская, горькая моя,
Как не хотелось бы мне встретиться с тобою,
Но та, с которою я встретился тогда,
Пусть опять лежит передо мною.

О, сколько лет она лежала там в тиши,
Одарен я строкой бессмертного стихотворенья,
Во мне поют твои чудесные стихи
О женщине, которая тебе дала любовь и вдохновение.

О, лес таинственный, ты вырос в строевой,
Тебя мне не найти теперь, я это знаю.
Ну, спи красавица в тиши, поэт ведь твой,
Тебя воспел навеки он, но почему плита в лесу, не понимаю.

P. S.
Сегодня до печальной правды я добрался,
К последнему упокоению А. Керн в Тверскую повезли,
Но под древнею Прутки возок сломался,
И там ее я встретил на своем пути.

03.03.2010

Лучшей из жён

Судьба – не отбирай у женщины года,
Оставь ее навечно молодой,
Праксителя творением Венерой навсегда,
Из пены, выходящею из моря.

О, Время, не бросай морщинок на лицо,
Пусть поражает красотой цветущей,
Любви бессмертной обручальное кольцо,
Пусть женщин окружает среди райских кущей.

Судьба не отнимай у женщин красоты,
И не дари с годами им старенье,
А ты, мужчина, женщину щади,
Чтоб жизнь была их вечным воскресеньем.

Мужчина, ты щади их бытие,
Люби, балуй и делай им подарки,
Ведь многие из них заслуживают то,
Чтоб на коленях им читать сонеты из Петрарки.

Таких, поверь мне, очень много есть,
Как и цветов среди пырея в разнотравьи,
Они цветут и их не перечесть,

Тех, что дарят любовь и понимание.

Мужчин – своих детей – ведь женщина хранит,
Хранит их, как свою зеницу ока,
И под защитой нежнейших женских крыл,
Мужчине никогда не будет одиноко.

Она желает, чтобы воцарился мир,
Ведь для него она детей рожает,
И Бог святой, единственный кумир,
Пусть по жизни их сопровождает.

В минуте жизни каждый миг цени,
В котором с женщиной ты проживаешь,
Мужчина! Ты грехов по жизни не тащи,
Замаливай скорее их, так женщина желает.

Ведь если старится любимая жена,
Наверняка состарится быстрее муж любимый,
Сердечной боли он не выдержит тогда,
Уйдет в далекий мир необратимый.

Так пусть восторжествует Вечная Любовь,
Которую лишь женщины нам дарят.
Мы только тело, женщины в нас кровь,
Так было, будет, так Господь желает.

Вот Боттичелли, Рубенс, Леонардо и Коро,
Там Рафаэль и Микельанджело Буанотти,
Курбе, Пикассо рисовали женское лицо,
Красавицы головку, милой, в повороте.

Но всех художников не перечесать,
Как и не перечесать поэтов нам известных,
Они оставили нам сонм очаровательных стихов,
Очаровательные образы красавиц, в мир иной ушедших.

17.02.2010

Звенит капель

Жене

Опять капель звенит над старой головою,
Неумолимо манит вдаль с собой.
Тревожит – я волнения не скрою,
Идти мне за тобой иль не идти с тобой.

Ну, почему тревожишь? Неужели мало
Мне подарила жизнь любовной суеты?
Господь не обделил меня, любви хватало,
И столько, что другим приносят лишь мечты.

Она не слушает меня, шалит почем попало,
Она ведь молода, всего лишь только год,
И я бегу за ней, она меня опутала, связала.
И вопреки моим желаниям – все делает наоборот.

А у нее друзей вокруг так много,
И с солнцем дружит, помогают воробьи,
И дружит с ней весенняя весёлая погода,
И краски вечные, волнующей поры.

Мне кажется, что нет, пока живешь, предела
Для радости души и пробуждения чувств – смотри.
Ведь голова бела от снега – поседела,
Но вот рождаются в душе весны ростки.

Эх, жалко «видит око – зуб неймет» и только,
Эх, скинуть с плеч хотя бы пятьдесят,
Тогда б я за весною и любовью побежал с пригорка,
Как бегал я когда-то много лет назад.

Ну, я и побегу, зачем мне ждать? Довольно!
Капель ведь правду говорит, капель зовет.
Я побегу, пока живу дышу привольно,
Я побегу к Весне, Любви, Мечте, а не наоборот.

15.03.2010

Издалека

Издалека таинственных туманных далей
Услышал вдруг я песню соловья,
И снова среди ранних утренних печалей
Воспоминаниями всколыхнулась жизнь моя.

Давным-давно над этой тихой рекою
Сидел я не один, и ты была со мной.
Я разговаривал, прислушиваясь к песне соловья, с тобою —
Мы оба были очарованы Божественною красотой.

Прошли года в необъяснимой скорости извечной,
Уж нет тебя со мной, другая предо мной стезя,
Но раздается из тумана красотой вечной
С реки, как прежде, для обоих песня соловья.

Пой, соловей, таинственную песню, пой, не прерывая,
Ту песню, что была обеим душам дорога.
Пусть она взлетает в небеса и достигает
Её души прекрасной, обнимая и любя.

Воспоминания волшебные, о, сладкие воспоминанья!
Волнуют душу от вечернего заката и до раннего утра.
Любовь, ушедшая, как будто вовсе не ушла, из полуранья,
Как Гимн вечный той Любви я слышу в песне соловья.

16.12.2009

В поход

В поход, хочу в поход, туда душа стремится,
«Но видит око зуб неймет», зима еще зима,
Она хоть на исходе – не поет синица,
И ледохода нет на речке – вот беда.

Невестами деревья в белом на снегу,
Как в хороводе девушки кружатся.
И солнца луч вытаскивает на бегу,
Проталинки, где жизнь вдруг начинает появляться.

Пробьется жизнь вдруг луговой травой,
Проснется разнотравьем и цветами,
И крот уж поднимает холмик свой,
Под голубыми радостными небесами.

Как робок первый поцелуй в кружении головы,
Так и робки попытки с холодом сражаться,
Зима не просто так задаром отдает свои дары,
И скорым наступлением весна не даст нам наслаждаться.

Еще блещут, искрятся брильянтами снега,
Но скоро-скоро в той летящей клином стае
Раздастся птичий клич, прощай, зима!
Весна, мы дома – больше нет печалей.

Закрыв глаза, мечтаю, когда первые ручьи
Проточат снег лежалый, выйдут на свободу!
И попрыгунчики, щебечущие воробы,
Вдруг затрепещут крылышками, опускаясь в воду.

В поход, скорей в поход, к чертям, к чертям.
Эх! Поскорей бы сбросить зимнюю одежду,
На разнотравье, на луга, да к соловьям по ивнякам,

Где выдаст мне весна в кредит Надежду.

Кредитом тем воспользуюсь всю,
Без остановки я помчусь в весны цветенье,
Готов я жизнь растратить в радостном бегу,
Чтобы в конце пути надеяться на Воскресенье.

02.03.2010

Вечная любовь

Дорогой жене посвящаю

Какая ночь, какое тихое дыханье,
С небес нисходит на долины и луга,
В преддверии ночи свое очарованье
Передают твои прекрасные глаза.

В тебе, любимая, я вижу отраженье
Предчувствий и желаний в этот час,
Любовь и ласки вождельня
Горят огнем сейчас в душе у нас.

О, небо звездное, скажи, какую тайну
Ты миллиарды лет хранишь в себе,
И эта тайна воплотилась не случайно
В Вселенную, которая находится в тебе.

И если так случилось, дорогая,
Не страшно во Вселенную с тобой лететь,
Ведь подойдет когда-нибудь предел – я знаю,
Но мы не будем о прошедшей жизни сожалеть.

Здесь на земле, любя и сострадаю,
Мы проживем счастливые и долгие года,
И в Вечную Любовь когда-то улетаю,
С земной любовью распростимся навсегда.

30.06.2009

Необыкновенный случай

Жене

Сегодня в городе туман и смог,
С трудом поднялся я с моей постели,
Так не хотелось на работу. Бог помог

Мне встать, собраться и поехать еле-еле.

Резекционный зал – паталогоанатома судьба,
И в трупах мне с утра до вечера копаться.
А после выдать справку, как, зачем и почему, когда?
Затем священникам работа за умерших упокой стараться.

Сегодня парочка банкиров, милиционер, шпана,
Старушка старенькая и какая-то девица.
Когда из морга привезут, то рассмотрю тогда,
Что с этими беднягами могло случиться.

С банкирами все ясно – чисто сделанный заказ:
С удобного окна прицелиться в соседнем доме.
Удобненько там киллер приспособится – приказ,
И точно дырочку он высверлит во лбу без крови.

С старушкой что ж, в борозданных морщинах все лицо,
И руки работающие, как надо, скрещены крест накрест.
А дочери и сыновья, и внуки будут плакать – горе налицо.
Спокойно умерла при вере в Бога, и положен ей Акафист.

Затем шпана – все тело, словно решето,
Здесь нечего искать причину, здесь все ясно.

Такое уж он выбрал в жизни ремесло,
Судьба одаривает по заслугам всех, наверно, не напрасно.

Устал, ну, хоть клиенты свежие, без запашка,
Бумаги больше, чем прямой работы.
Эх, писанины не было б, но это все мечта,
А так с бумагами, с отчетами одни заботы.

Ну, наконец, и предпоследний милиционер.
Погиб, эх, жаль, какого-то бандита догоняя,
Он пулю получил случайно, вот пример:
Полез туда, куда не надо было, той беды не ожидая.

Ну, наконец, последний, что из морга привезли,
Здесь на стальном столе – такого я не видел:
Лежала девушка небесной красоты,
Ну, почему мертва? Несправедливость я возненавидел.

Ни ранки, ни царапины на нежном теле том.
Ученый интерес возник во мне тотчас же:
Какие тайные несчастья скрыты в нем?
Интуитивно понял я, такого не увижу дважды.

Мой скальпель верный, ты по нежной коже заскользил,

И вдруг услышал я мне скрежет непонятный,
Как будто по металлу острием он проходил.
В испуге замер я, столкнувшись вдруг с невероятным.

Москва, Москва! Уж вечерело, и таинственно огни
Кафе неоновыми вывесками засветились,
Гудки автомобильные и шорох от шагов толпы
Чрез окна приоткрытые ко мне пробились.

В растерянности я стоял пред этою загадочною красотой,
Мне дальше резать не хотелось – было страшно.

Что вдруг увижу я под белой кожей тугой?
Но надо было, чтобы труд мой оказался не напрасным.

Сверлила мысль: откуда взялся тот металл внутри?
Ведь нет отверстия, а скальпель как бы с пулею столкнулся.
А там, как у Тутанхамона, оказалась золотая оболочка изнутри,
Та, на которую мой скальпель натолкнулся.

Одно лишь слово шло по оболочке той,
Каллиграфическою прописью звучало.
То слово «Преданность» сияло вечной красотой,
Вечерней грусти, овладевшей мной, как будто не бывало.

Мой скальпель быстро на фрезу сменил,
Вторую оболочку, что из платины была, разрезал,
И словом «Сострадание» свою я душу отеплил,
Рука дрожала, платина крепка, чуть руки не порезал.

На третьей оболочке слово «Жалость» вдруг нашлось,
Его на том металле драгоценном словно не хватало,
«Самоотдача» на четвертой прописью на грудь пришлось,
На пятой оболочке «Верность» четкою чеканкой просияло.

Была шестая оболочка из твердейшей стали отлита.
На стали той «Самопожертвование» клеймом стояло,
Фреза горела, плавилась и вдруг – какая красота:
Бриллиантовое сердце в том стальном разрезе засияло.

Я аккуратно, что разрезал, запаял, зашил,
Не взял ни грана от нее ни золота, ни бриллиантов.
Читатель дорогой, превратно не пойми, я так решил.
Вдруг понял – на столе лежала Вечная Любовь – понятно!

Открыл окно, и морозящий дождь по мутному стеклу стекал.
Обратно в морг ту девушку отправил.
Пусть в родной земле лежит, чтоб возвратился идеал,
Земля – ведь мать Любви, Любовь – она без правил.

И вдруг звонок будильника. Я понял – это сон,
Тот сон, что посещает человека очень редко,
Такой счастливый сон – тот вещий сон
Любовью наполняет и пронзает сердце метко.

Любовь, любовь, ты воплощение великой тайны,
Которая так крепко связывает двух людей так навсегда,
И в этих двух заложены все золото и бриллианты,
Такие же, как и у девушки, там на стальном столе тогда.

Мне повезло увидеть анатомию Любви.
Теперь я знаю, что полулюбовь достойна смерти.
Полулюбовь – синоним грязи, полулжи,
Не стоит в том притворстве жить, поверьте.

Наверное, от этого та девушка и умерла.
Она ведь воплощением любви сверкала,
С полулюбовью вдруг столкнулась, бедная она,
Я думаю, любимому упрека не сказала.

Скрываются за тайной скрытою полулюбови
Всегда сомнения точащие и недоверья,
В полулюбови не может быть любви,
А только лишь страдания, а за ними сожаленья.

Будильник прозвенел, как на работе времечко бежит,
И почему-то скальпель вдруг на тупизны пределе,
Смотрю, изогнутая обожженная фреза лежит.
Быть может, это был не сон, а явь на самом деле?

А если так, то буду девушку искать, ведь где-то есть она,
Мою Любовь, которой имя Свято,

И вдруг найду я в ней такие же слова,
Как в той, которая лежала на стальном столе когда-то.

11.01.2010

Капель

Жене

Капель, вот слово, тайну, что скрывается внутри,
При всем желании так просто не отыщешь.
Ты выходи на улицу, скорее выходи,
И тайну слова там воистину услышишь.

В таком простом звучании слова скрыта красота,
Которая, ну, как-то стерлась в долгом ожидании,
Когда пройдет холодная пора,
Которая покрыла землю белым одеянием.

С ее приходом начинается весна,
Не только лишь снаружи за окном,
Нам в душу вдруг врывается она,
Цветком подснежника под ярким солнцем.

Какая сила эта самая капель,
К любви заложена там потрясающая тяга.
Она ведь корку льда пробьет в весенний день,
Росточком нежным, а потом цветком ко благу

Ростки любви вдруг вырастают, как из ничего,
Вдруг из души с особой силой вырастают,
И превращаются в цветы и это ведь не все,
Капель бриллиантовыми стразами все в сказку превращает.

Нам гением шопеновским звучит она,
Шопеновской из под руки капелью звуков,
С сосуллек голубых стекает вниз вода,
И сердце бьется в нас с особым стуком.

Так стук призывный издают тетерева,
Возрадуясь весне и по любви тоскуя,
Капелью вызвана любовная тоска,
С соперниками затевают драку, жизнь потерять рискуя.

Капель врывается любовью внутрь тетеревов,
В круженье головы они охотника не замечают.
А он вплотную к ним подходит, убивая их любовь,
Убитую любовь в крови со снега поднимает.

Так вот какая ты капель – волшебница-капель.
Как кисть художника картину жизни украшаешь.
И волшебством тревожишь душу целый день.
В просиненный весенний день ее ты возрождаешь.

Так и звени, вызванивай весенний день.
И радуй слух как гимн божественной природе.
Она готовится к Весне, почувствовав капель,
Которую не перестанем слышать мы в осенней непогоде.

07.02.2010

Это ты

Жене Риточке

Чем дальше дни уходят, в дымке исчезая,
Чем дальше исчезают вдаль года,
Тем больше я того не понимаю,
Откуда знаешь и насколько чувствуешь меня.

Ты знаешь, что мужчины – дети в сути, дорогая,
Ты видишь то, о чем я только лишь догадываюсь иногда,
От многих бед меня ты ограждаешь,
И от ошибок, что могли бы погубить меня.

Ты видишь под водой такие острые камни,
Которые и в страшном сне не вижу я,
Как Богородица – достойное сравнение,
Жалея, сострада и любя, как «Пиета».

Любовь и преданность ко мне твои неизмеримы,
Мы вместе пятьдесят – в сознании моем,
Вдвоем в молитве мы непобедимы.
Еще, надеюсь, в этой жизни с Богом проживем.

Ведь так среди десятков тысяч тонн руды,
Единственный большой алмаз находят,
И только так через огромные труды
Любовь и понимание приходят.

На свете главное – я точно знаю – есть,
Правдивая душа и нежность с добротой,
Достоинств всех твоих не перечесть,
А остальное в жизни назовем мы суетой.

И вот к концу подходят и тревоги, и смятенья,
Должна закончиться в итоге жизненная суета,
Быть может, несмотря на наши прегрешенья и сомненья,
Господь откроет нам с тобой свои врата.

А в полном понимании Господь – Любовь и Свет – Покой,
И мы прошли в любви и свете все дороги,
Пройдя предел, представ перед Тобой,
Узнаем душ своих судьбу – там, на твоём пороге.

26.06.2009

Старый пенёк

Жене

Стою, грущу, душа сейчас в смятенье,
Передо мною старый пенёк стоит,
Он смотрит на меня в недоуменьи,
И сердце бедное мое от этого болит.

Каким могучим ты каштаном был,
Таким же, как и я, красив и молод,
Цветами ты прекрасными весь был покрыт,
Пока не наступил осенний холод.

Я помню, как сейчас, у корня твоего
Сидела девушка, сияя красотой,
Теперь мы перед пнем твоим стоим,
Старушка верная моя со мною.

Каким могучим ты каштаном был,
Таким же, как и я, лет в двадцать,
Какою кипенью цветов одетым был,
Теперь не можем мы ничем похвастать.

Теперь уж нет той кроны над тобой,
А голова моя покрыта сединою,
«Что, брат, молчишь? Ведь нечего сказать,
Уж нечем поделиться нам с тобою».

Ну не горюй, не умер ты совсем,
Ты в памяти моей качаешь гордой кроной,
Ты жив – и будешь жить всегда, ты в нас,
Пока мы на земле живем – и вечно молодой, и вечно новой.

27.04.2009

*Как бежит время. Моя жена с внучкой Юлечкой.
Потом придет вторая – Ксюшенька. Фото 1994 г.*

Улыбка

Улыбайся-удивляйся, слыша звон колоколов
Удивляйся, поражаясь красоте тетеревов.
Слушай. Как поет синица, повторяясь вновь и вновь
Что из Лукоморья птица, сказка детская из снов.

Удивляйся сердца стуку и биению в крови,
Посмотри – вдали сползают снега белые с горы.

В голубом сосульки тают – и капли звонкой трель.
Удивляйся – улетела прочь колючая метель.

Удивляйся, час подходит, на подлете журавли
В уши музыкой приходит зов весенний издали
И подснежник расцветает в жухлой с проседью траве
И на дудочке играет пастушонок на заре.

Веселись и наслаждайся – жизнь длинна и коротка.
И грустить не собирайся, далеко еще зима.
Не грусти, а ну-ка с печки попроворней, старина.
Посмотри, весна, как речка, бесконечно хороша.

Искушает, обласкает, может к счастью привести
А весна как будто знает, что-то будет впереди
Если б мог, в Весну, как в воду, окунулся как в купель.
Звоном в душу проникает шаловливая капель.

Удивляйся – улыбайся, ведь еще не вышел срок,
В молодости искупайся, для весны конец далек.
Обнимай, любовь-подругу, поднимай бокал с вином,
Пей до дна, пускай по кругу – живы будем – не помрем.

03.01.2011

Наше утешенье

Жене Риточке

Страдаю я, душа моя щемит, кричит,
Она болит в безудержном волненье,
И я бегу к тебе, и успокаиваюсь лишь тогда,
Когда уткнувшись лицом в твои колени.

Я спрячу в них свое лицо, спеша,
Не как мужчина взрослый, а ребенок,
Как к матери вдруг льнет дитя,
К груди ее за молоком еще с пеленок.

Ты нежно будешь гладить голову мою,
Слеза дрожит в твоих глазах, я знаю,
Я снова на твои колени упаду,
Как грешный блудный сын, когда не знаю.

Как Богородица, ты забираешь боль мою,
Любя меня, спасая от опасности возможной,
Спасаяшь ты меня и честь свою,
Твои колени – нет пристанища надежней.

Так преклонимся в благодарности сейчас,
Пред женщиной, в любви на все готовой,
Как будто «Пиета» пред нами в этот час
Пример смиренья и любви в наш век суровый.

21.06.2009

Свидание

Жене

Я жду свиданья – час пробил.
О вы, мои ночные грезы!
Я время тороплю – приди скорей
И осуши мои восторга слезы.

Я чувствую, спешит она ко мне,
Чтоб броситься в мои объятья,
Среди цветов в благоуханной тишине
Мне подарить мгновенья счастья.

Свиданье – голова от счастья кругом
Кружит в нетерпеливом ожиданье,
Нет в мире сладостнее ничего,
Чем первый сладостный момент свиданья.

Свидание, ну, с чем тебя сравнить?
С той белой кипенью, весной кружащей,
Которая нас может озарить
Невообразимую минутой счастья.

Она пришла, и мир нас приковал
Стальной цепью для обоих неразрывной,
Она сковала наши души и сердца,
Чтоб вместе шли дорогою неразделимой.

Любовь – она, как молнии удар,
Она – внезапный дар Богов для счастья.
С восторгом принимай, цени ее.
Любовь хранит – ты избежишь ненастья.

Истина

Жене Риточке

Я помню, как в ночи, прильнув ко мне,
Ты в кровь мою любовь струила постоянно,
Как солнца луч ты для меня была во тьме,
И голова от ласк твоих кружилась непрестанно.

В подарок тело ты свое дарила мне.
Оно меня, как виноградную лозою, обвивало,
В бушующем любви таинственном огне
Дарило истину, лежащую на дне бокала.

Та истина совокуплением с тобой была,
Она, та истина, которая рождает мирозданье,
Ведь Истина – для всех Любовь одна,
И я в прикосновениях к ней терял, дрожа, сознание.

О, Боже, как ты смог Вселенную любовью одарить
Неописуемым моментом жизни наслаждения,
Которое дает всему на свете право жить
Под солнцем и луной твоим божественным велением.

25.08.2009

Я жду весну

Жене

Волнительной пленяющей неожиданной волной
Доходит до меня весны волшебное дыхание.
Как я хочу быть в эти дни с тобой, с тобой,
Чтоб вместе пережить тех дней очарование.

Я жду весну, хочу смотреть в ее глаза,
И видеть отражение в них любви и понимания,
Чтоб зимнюю печаль всю смыла прочь весенняя гроза
Дождем, искрящимся под радугой в начале мая.

Но не сбылись мои мечты, волна весны ушла,
Деревьев в кипении цветов теперь уж мне не встретить.
Опять, опять мне впереди унылая осенняя пора,
Ведь нету никого вокруг, кто мог меня приветить.

Как тяжело принять и пережить мне эту пустоту,
Которая мои печалит чувства, я не знаю,
Но я надеюсь, что найду единственную ту,
Как непреложно встречу я с грозой в начале мая.

12.11.2009

Грачи прилетели

Жене

Весна звенит капелью непрерывной звонкой
Из голубых сосулек и снегов со скатов крыш.
И лужи трескаются под ногой хрустящей коркой тонкой,
Хрустальной трескаются вдруг, вызвенивая тишь.

Весна, весна, в деревьях ты с каким-то упоением
Вдруг гонишь соки вверх по веткам в высоту.
И неба колокол небесным отраженьем
Воде проснувшейся передает голубизну.

Снега сползают с горок отсырелых,
Сгоняя прочь унылую замерзшую тоску,
Как пахарь выворачивает землю плугом смело,
Так и природа открывает нам веселый путь в весну.

Весною встречи ждешь, как будто бы впервые,
Весною хочется весь мир расцеловать, обнять.
Под звон колоколов спешу, так быстротечны времена такие,
И к нам, как будто бы с картин Саврасова, грачи летят опять.

14.11.2009

Родник

Жене

Хочу увидеть я исток ручья
Средь леса бег его потайной,
Куда течет дорогой дальней
Через леса, через поля.

Его журчащая струя
Под голубыми небесами
Так радует нас чудесами,
Блаженным отдыхом маня.

Форели перламутровым бочком
В ручье среди камней играют,
Стрекозы синие летают,
Шурша прозрачайшим крылом.

Сплетаясь кроны сводом в тишине,

Любуются своею красотою,
И наслаждаясь неба высотой,
Летают птицы в солнечной голубизне.

А там – там, где-то впереди
Уж нет того ручья течения,
И смотрим мы с благоговеньем,
На мощное течение реки.

Вот так и наша человеческая жизнь,
Почти из ничего из капельки рождаясь,
Из ручейка вдруг в реку превращаясь,
Ведет нас смертных к Богу ввысь.

И выходя из этой капли гений
Всех одаряет той извечной красотой.
Как Микельанджело средневековой стезей,
Являл собой необъяснимое явление.

Так будь благословен таинственный родник,
Дарящий нам реки безбрежность,
И освежающую свежесть – тому,
Кто в благодарности к тебе приник.

10.02.2010

Фото 25.12.2010

Пожелание

Жене

Соловьиная трель над рекою
Растревожила душу мою.
Этой ранней весенней порою
Я в душевном волненье не сплю.

Я не сплю, за речною косою
Уж взошла сторожика-луна,
Тишина над родной стороною,
На подворье твоём тишина.

Хорошо бы, как в старом сказанье,
Превратиться мне вдруг в соловья,
И с реки в тишине полуранья
Песню счастья пропеть для тебя.

Ветерком, как в том старом сказанье,
Мне в окошко твое залететь.
И к губам осторожным касаньем
Прикоснуться и локон задеть.

Из туманных неведомых далей
Прилетит эта песня моя,
И тебя от сует охраняя,
Соловьем пропоет для тебя.

07.07.2009

Мгновения любви

Дорогой жене

В залитом солнцем том счастливом дне,
В котором ты стояла предо мною,
Цвели сады, и неба свод тонул в голубизне,
Я счастлив был тогда, я был с тобою.

В волнении души слова я находил с трудом.
Слова какие-то случайно находились,
Я что-то говорил, мне кажется, ну, ни о чем,
В терзания и трепет вдруг минуты превратились.

Как день сменяет ночь в назначенном часу,
Так яркий солнца луч вдруг темноту сменяет,
И в нас возникшую волнующую пустоту
При взгляде при одном любовь все заполняет.

Как часто вспоминаю Пушкина я вновь и вновь.
Его стихов стремительную и живительную силу,
Которые страдающему сердцу дарят «жизнь и слезы, и любовь»⁴,
Куда бы жизнь его не завела, не заносила.

Мгновенья те незабываемы до старости седин,
Когда в осеннем холоде мы пребываем,
Возрадуйся, они бесценны, с ними не один,
Вдвоем с воспоминаньями те дни мы коротаем.

Не избежать на свете никому любви сетей,
Все очень просто, Бог об этом знает,
Благословляя сверху всех своих детей,
Их на любовь от зарождения до смерти осуждает.

⁴ А.С.Пушкин

Желание

Жене

В том путешествии чудесном
К мечте, что вовсе не прошла,
К мечте об ангеле небесном
Стремлюсь душою я всегда.

С каким-то трепетным волненьем
Я вспоминаю вновь и вновь,
Была ты Пушкина стихотвореньем,
«Где жизнь и слезы, и любовь».

В голубизне летящей дали,
Взлетела птицей надо мной,
И, разогнав мои печали,
Взметнулась пенною волной.

Вскружила голову любовью
В круговороте той волны,
И утопила с головою,
Теперь не вынырнуть увы.

Лишен вниманья Гименея,
Один, как перст, стихи пишу,
Тебя в объятьях не имея,
В воспоминаниях ищу.

И Терпсихорой ввысь взлетая,
Моя мечта летит к тебе,
Чудесный образ обнимая,
Как наяву, а не во сне.

Судьба, не допусти страданий,
Осуществи мои мечты.
И чтоб опять в моих желаньях
«Передо мной явилась ты».

07.03.2010

В надежде

Жене

Вот момент расставанья, и кольцом твои руки,

Тепловоза гудок, я прощаюсь с тобой.
И щемящую боль предстоящей разлуки
Заберу от тебя, не оставлю с тобой.

Может, стрелочник где-то перепутает стрелки,
Расставания поезд нас пройдет стороной.
И кольцом твои руки обоймут мою шею,
Ты, прижавшись ко мне, долго будешь со мной.

Но уходит надежда, вот стук раздается,
Перестук тот извечный вагонных колес.
И под сводом вокзала эхом вдруг отдается
Вдох надежды разрушенной тот, что жалко до слез.

Разомкнется кольцо, упадут твои руки,
Проводник на подножке даст отмашку рукой,
Разлучит нас с тобой этим взмахом разлуки,
Ведь ему все равно, что же будет со мной.

Но надежда, известно, умирает последней,
Я не дам ей, надежде, умереть до меня.
Я увижу твой поезд порою весенней,
И кольцо твоих рук я сомкну навсегда.

Так что, стрелочник, друг, переставь быстро стрелки,
Без ошибки направь этот поезд сюда,
Эта наша любовь, бриллиант без подделки,
Он в кольце твоих рук пусть сияет всегда.

Ты скорей подходи, этот поезд надежды!
Ты – желанный из всех, что подходят сюда,
И обнимет кольцо твоих рук белоснежных,
И замкнет в том кольце наши жизни судьба.

10.03.2010

Внучки. Старшая Юлечка. Младшая Ксения. Фото 2011 г.

Счастливая бабушка с первой внучкой Юлечкой. Фото – 1995 г.

Камин

Жене Риточке

Камин зажгу – прохладно в доме – натоплю,
Да и в душе мне без тебя холодновато что-то.
Ее мне надо обогреть – доверюсь я камину моему,
Хоть чем-то он поможет мне, заменит мне кого-то.

Я помню, как спешила ты ко мне,
Спешила при морозе минус двадцать
В чулочках тоненьких, так примерзающих к ноге.
Каминное тепло не нужно было в восемнадцать.

И, несмотря на то, что ножка мерзла стройная твоя,
Мы без каминного тепла прекрасно обходились,
Любовь нас грела, и не надо было нам огня,

Мы сберегли на старость лет дрова, они намгодились.

Теперь, хоть греет нас любовь, как в прошлые года,
А лет тех прошлых так прошло немало,
Мы те дрова, которые негодились нам тогда,
Сожжем в камине, ведь теперь тепло нам надо.

Так посидим, обнявшись, тихо у огня мы вновь,
Камин – наш старый друг – пребудет с нами.
Он нас не подведет и нашу осветит любовь,
Играющими за стеклом янтарными огнями.

16.12.2009

Мечта сбылась. Мы можем спокойно сидеть и греться у камина. Жена с двумя внучками. Юлия и Ксения. 2002.

Благодарю

Жене

О, Господи! Поводырем ведешь меня чрез жизнь мою
Путями неисповедимыми ко свету!
И не даешь мне обронить горящую свечу,
Чтоб от плевел очистить душу мне при этом свете.

Твоей любовью не оставил ты меня
С протянутой рукой и нищенской сумою на дороге.
Не должен никому – свободен я,
Над головой сухая крыша, хлеб, вода, и нет тревоги.

Твоей заботою я не один, со мной любовь – жена.
Гранитной твердостью сопротивляемся напастям.
Спасибо, Господи, благодаря тебе, со мной она,
Я с ней делю печали, радости и счастья.

На старость лет ты душу одарил мою,
На семьдесят шестом она стихом прорвалась,
Все, что я накопил, что чувствую и чем дышу,
В стихах биеньем сердца проявилось, отозвалось.

Ты дал возможность мне с женой построить дом,
И сыном одарил, когда во мне бурлила сила,
К деревьям, мной посаженным, к цветению их крон
Пчелиный рой за взяткою летит неугомонно.

Ты дал возможность мне наполнить жизнь трудом,
Ну, а на старости ты одарил меня покоем,
Хотя ведь старость – не подарок, и гори она огнем,
От болей иногда зальешься волчьим воем.

Но в этих болях понимаешь вдруг страдания Христа,
Что претерпел за нас там на кресте Спаситель.
За эти боли, за свои, Его – благодарю тогда,
Когда терпеть их просто нету силы.

Так освяти, Господь, грядущие для нас года
Божественным для нас неугасимым светом,
Ты сделал все для нас, и делаешь всегда,
И в благодарности мы на коленях молимся об этом.

09.01.2010

Песня любви

Жене

Я иду тропинкой полевою,

К соловьиной роще в вечеру,
Не дождусь свидания с тобою,
На высоком по-над речкой берегу.

Поле, да с перепелиным перебором,
Рожью, что под ветром, как волна,
Осиненное все цветом васильковым,
С шумом нежным – золотая рожь моя.

Соловьиной трелью окруженный,
Как через оркестр я иду,
Темный лес стоит, замороженный,
Васильки в руке тебе несу.

Вечереет, из лесу чечеткой
Прозвучал тетеревиный стук.
Пылью бисерной нас осыпают звезды,
Луч луны нас освещает вдруг.

Из лесов таинственным «ку-куком»
Нам с тобой отводятся года.
Ну, на счастье прокукуй, кукушка,
Нам сто лет счастливые тогда.

Заяц на лугу прядает ухом,
Любопытный, маленький, косой,
Спать пора уж, умолкают звуки,
Нас оставь под этою луной.

Весь я в нетерпении свиданья,
Перестань-ка, сердце, не балуй,
Замираю в страстном ожиданье,
С губ твоих горячий поцелуй.

Здесь, как в колыбели первозданной,
Посреди некошенной травы,
Песню о Любви, нам Богом данной,
В вечеру поют над речкой соловьи.

05.02.2010

Балерина

Памяти великой Спесивцевой

Балет – трепещущей души стремительный полет.
Он бриллиант в либретто содержания,
В балете духа балерины взлет,

И этот дух – он торжество искусства,
воплощение очарования.

Вот начинается таинственного чуда волшебство,
Вот льется в сердце музыка великого Сен-Санса,
В ней лебедь умирает, словно человеческое существо,
И зрители охвачены волной неповторимого нюанса.

Бессмертное стремление к красоте с балетом навсегда.
Оно неистребимо, непреложно, как дыхание.
Искусством выточены балерин прекрасные тела,
Прекрасно белых пачек и пуантов белое шуршанье.

Какой невероятный труд стоит за легкостью движения внутри,
Который мы на сцене и не замечаем – дилетанты.
Родились балерины Терпсихоры дочерьми,
Богинями балета и его небесного бессмертного таланта.

Ведь каждое движение руки иль пальцев, иль ноги
Является мельчайшей нотки повтореньем.
Движение идет за музыкой, которая внутри,
А музыка вдруг превращается в чудесное движенье.

О, Зритель! Перед балериной на колени припади!
Ты в первом там сидишь, бриллиантами сверкая.
Как зритель, ты ведь только за билеты заплатил,
А настоящую цену билетов балерина кровью искупает.

От Господа награда балерине велика.
И Господом оценена в огромной мере.
За то, что балерины людям отдают свои сердца
В Божественном Искусстве на дыхания пределе.

05.09.2009

Я, потеряв, нашел любовь

Жене

Москва. Октябрь. Пятьдесят седьмой.
Там морозящий дождик за окном осенний, бесконечный.
Не сплю. Оделся, уж идет второй,
Я выхожу из дома, весь в терзаниях сердечных.

Мне двадцать три, мне очень плохо на душе.
Ночь. Постоянный дождь. Мне собеседник нужен.
Я вышел на Тверскую, нет машин уже,
А те, что редко проезжают, все шуршат колесами по лужам.

Тоска. Один. Хотя я не совсем один.
Не замечаю я, что молодость со мною.
Напротив Долгорукий на коне и книжный магазин,
Я на Тверской курю, а он с протянутой ко мне рукою.

Нет человека, тот, что в двадцать три,
Который не мечтал, что он любимый.
Но нет любви, один, как перст, в ночи,
И где любовь, в которой можно утонуть неразделимой?

Надежды ноль. О, Боже! Помоги
Скорей уйти от одиночества, о, Боже!
Фонарные огни, и дождь шумит в ночи.
Чу! Где-то каблучки стучат, похоже.

Затягиваюсь сигаретой, в теле дрожь. А может быть она?
И вдруг передо мною в пелене дождя вдруг появилась
Тонюсенькая девушка под зонтиком одна.
Откуда? Отчего? И как виденьем чудным воплотилась.

Нет, не видение. Внезапно завязался разговор,
Что припоздала, и метро закрыто, а живет в Жуковском.
Вот и гуляет Я, смотря в глаза, сказал в упор,
Что может быть пойдем ко мне, ведь поздно.

*Я, потеряв, нашел любовь.
Моя жена Риточка Фингер. Фото 1987 г.*

И вдруг я понял, что пришла любовь.
От женских хитростей обманных, ну, ни грамма.
Открытый взгляд, ни капельки жеманства,
взволновал мне кровь,
Наивность в девушке, доверчивость сквозили без обмана.

Мы оба руку об руку пошли ко мне
И пол бутылочки наливки, что была, распили.
Уж третий час пошел, куранты в башне там в Кремле,
Сопровождающие жизнь мою, пробили.

Она сказала, что уж спать пора, постель стелить.
Ведь завтра надо электричкой за город и на работу,
Разделась, молча жестом позвала,
Потом сказала: «Раздевайся и ложись,
тебе я почитаю что-то».

Я лег, и о забытом впопыхах спросил,
Как звать ее, она об имени своем сказала,
И я сказал, какое имя странное носил,
Потом я утонул в стихах Есенина и Мандельштама.

Потом своей красивой грудью вдруг прижалась ко мне,
И поцелуем страстным и горячим наградила.
Любовь разверзлась, и мы оба в тишине
Любили друга друг, пока меня не утомила.

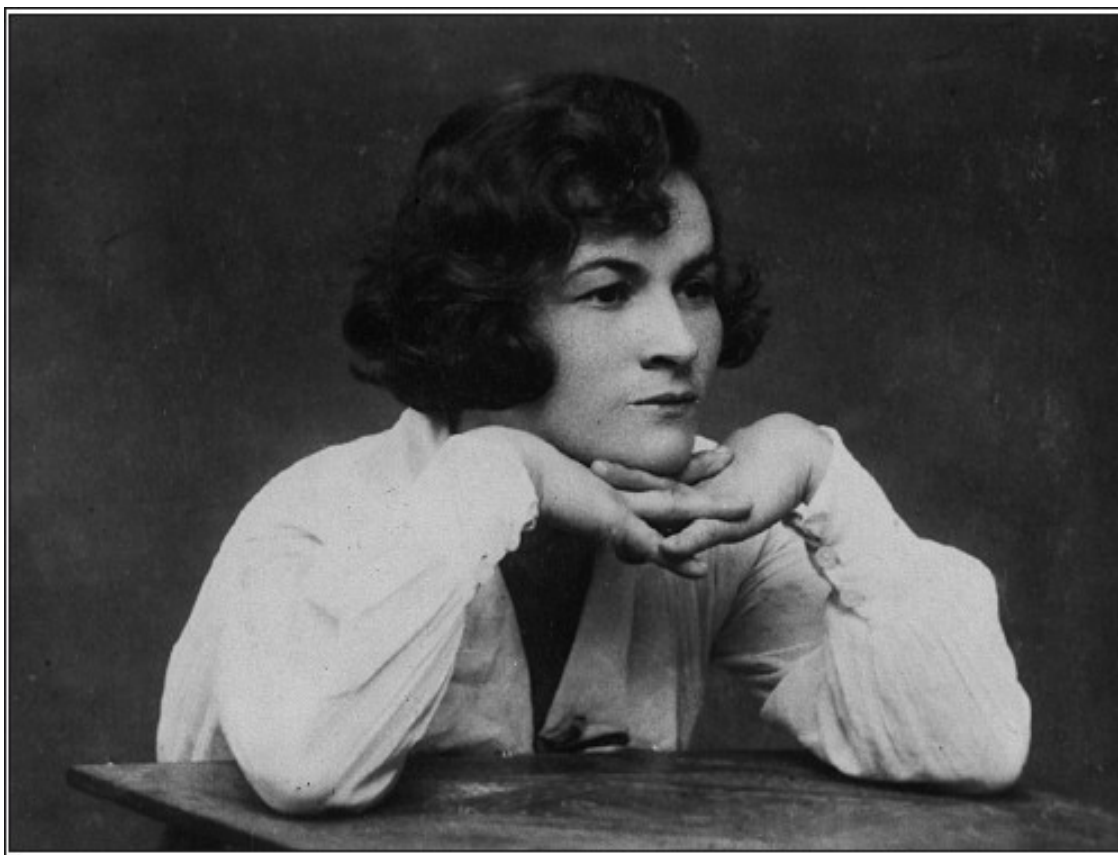
А утром протянул я руку, чтоб дотронуться до счастья моего,
И что случилось, до сих пор не понимаю.
Рукою только простынь скомкал, не было ее.
Когда ушла и как? Я до сих пор не знаю.

Страдал ужасно я. Ведь до нее, до встречи с ней
Знавал я многих женщин, так случилось,
И только ночь я был счастливейшим из всех людей,
Я позабыл о всех о них, что было – позабылось.

Я много месяцев искал ее и вновь, и вновь,
Но в адресных бюро о ней не знали.
И получилось так, я потерял любовь,
И думал, встречу я ее едва ли.

И вдруг, о, Боже мой, она нашлась.
Чрез пару лет другое имя-отчество имела.
Мы вместе пятьдесят. Она мне матерью, женой пришлась.
Я счастлив, я вернул, что потерял тогда, и счастьем нет предела.

16.01.2010

*Моя мама. Фото 1923 г.
Жила самостоятельно в г. Аленштейн. Германия.*

Не ценим

Памяти мамы

Всем людям на земле, кому за шестьдесят,
Так хочется вернуться в детство.
Но вот нельзя – билета нет назад,
А как же хочется у маминой груди согреться.

Как ленту жизни прокрутить назад,
Но не в кино, а вправду, в самом деле,
Чтоб снова мама крикнула во двор,
«Быстрее кушать, пирожки спели!»

За этот зов сейчас бы отдал жизнь,
Но никогда его я не услышу снова,
Ведь нет тебя давно на свете – много лет,
И нет успокоительного маминого слова.

Пусть мать стара, пусть слабенька она,
Подумай, сын и дочь: пока она с тобою,
Ты можешь жить спокойно, радостно всегда,

Несокрушимая стена стоит там, за твоей спиной.

Ну, как насмешкой жизненной звучит...
Ну, почему не ценим в молодости счастье
Простого зова матери: «Иди домой!»
Забота материнская спасает от ненастья.

Чрез череду туманных, вдаль ушедших дней
Прямым укором и непоправимой ошибкой вижу,
Что иногда был холоден я к матери своей,
И что зовет меня домой, я больше не услышу.

05.07.2009

Звучание романса

Жене

Романс – звучание твое так заставляет волноваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.